

# АФАНАСИЙ ФЕТ



Михаил  
Макеев



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Михаил Макеев

**Афанасий Фет**

«ВЕБКНИГА»

2020

**Макеев М. С.**

Афанасий Фет / М. С. Макеев — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04723-5

Несчастливые обстоятельства появления на свет Афанасия Фета, сына дармштадтского мещанина, во многом предопределили его отказ от университетской карьеры, расставание с любимой, военную службу. Борьба с ударами судьбы сформировала его «неудобный» характер и особое положение в литературе. Молодые стихотворцы считали автора лирических шедевров своим кумиром, а либеральная общественность – «жалким поэтиком». Он переводил произведения древнеримских классиков и читал труды современных философов, внедрял передовое землепользование, служил мировым судьей, выступал в печати по поводу системы образования, общины, земского самоуправления. В чем причина навязчивого стремления Фета стать российским дворянином? За что Александр II подарил «царю поэтов» рубиновый перстень, а Александр III сделал его камергером? Как лирический поэт стал успешным бизнесменом? Почему передового помещика называли крепостником и человеконенавистником? Что сблизило его с Тургеневым и Львом Толстым и поссорило с Некрасовым и Чернышевским? На эти вопросы отвечает книга доктора филологических наук Михаила Макеева – первая подробная биография великого поэта, пессимистического мыслителя и яростного публициста.

ISBN 978-5-235-04723-5

© Макеев М. С., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

## Содержание

Тайна рождения	7
Барчонок	16
Верро	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35



# **Михаил Макеев**

## **Афанасий Фет**

© Макеев М. С., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2020

## Тайна рождения

Рождение Афанасия Фета связано с обстоятельствами запутанными и в некоторых деталях до сих пор остающимися неясными. Его мать Шарлотта Елизавета Фёт, урожденная Беккер, родилась в 1798 году в столице провинциального немецкого герцогства Гессен-Дармштадтского. Ее отец и, соответственно, дед Фета Иоганн Карл Вильгельм Беккер, 1865 года рождения, лютеранин, служил в Дармштадте в должности обер-кригскомиссара. Мать, Генриетта Кристина, урожденная баронесса фон Гагерн, скончалась в 1801 году, когда дочери было три года. Шарлотта была младшим ребенком в семье. Старший брат Карл Вильгельм родился в 1788-м, был смотрителем лесничества Бессунгского и Дармштадтского леса, позднее – окружным лесничим округа Фюрт; второй брат Эрнст Фридрих Георг, 1795 года рождения, одно время был книгопечатником в Дармштадте. Третий брат Август Георг Теодор родился в 1796 году и скончался во время обучения в артиллерийском корпусе великого герцога Гессен-Дармштадтского в 16 лет.

Судя по всему, семья была достаточно состоятельная. Согласно составленной в 1834 году описи «дворового места великогерцогского кригскомиссара Беккера, состоящего в Рейнской улице (Rheinstraße)», «место сие содержит в себе... 53 квадратных клафтера<sup>1</sup>, на коих находятся: трехэтажный дом... с погребом со сводом и бревенчатый двухэтажный флигель, в коем можно жить; двухэтажное заднее строение; флигель и поперечное строение в один этаж с мансардовой кровлею и многие дровяные сараи; один колодезь с насосом и два текучие колодезя; а также сад в 87 квадр[атных] клафтеров, кои все вместе по настоящей цене полагаются в 24 000 гульд[енов]»<sup>2</sup> (правда, дом был куплен благодаря займу в 15 тысяч гульденов у кандидата науки о лесоводстве Иоганна Петра Фишера под пять процентов годовых). В социальном отношении семья была скорее бюргерская (ее глава был сыном дармштадтского булочника), хотя и имела аристократические связи и корни. Об образе жизни Беккеров сведений мало, но можно утверждать, что они были не чужды благочестия – хорошо знали Библию – и культурных интересов: в доме несомненно имелись книги, читались произведения Гёте и Шиллера, а также писателей-романтиков.

В мае 1818 года двадцатилетняя Шарлотта Беккер вышла замуж за своего земляка Иоганна Петера Карла Вильгельма Фёта, католика, старше ее на девять лет. В то время он служил по тому же ведомству, что и тесть, а затем занял должность обер-ассессора городского суда. Трудно судить, насколько брак был равным. Скорее всего, Иоганн имел еще более скромное происхождение и был небогат. Сохранилось прошение великому герцогу, в котором Фёт просит в связи с серьезными материальными трудностями подарить ему две тысячи гульденов, при этом называя себя пансионером августейшей особы, бывшей, по его выражению, «с 1805 года моим все милостивейшим содержателем и приемным отцом», по распоряжению которого «до конца 1817 года оплачивались за меня все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей». Фёт признавался: «Именно Ваше все милостивейшее участие подвигло меня к учению, дабы я мог со временем зарабатывать на хлеб наукой, которую не похитят человеческое насилие или несчастный случай»<sup>3</sup>. Этот документ побуждает иных исследователей, не могущих смириться, что родители великого русского поэта – заурядные дармштадтские бюргеры, считать Иоганна Фёта незаконным сыном кого-то из представителей августейшей семьи, а возможно, и самого великого герцога Людвиг I. Каких-либо дополнительных свидетельств в пользу такой гипотезы не имеется. В завещании Иоганн называет своими родителями суще-

---

<sup>1</sup> Клафтер – единица измерения длины. Гессенский клафтер равен 2,5 метра. (прим. редакции)

<sup>2</sup> Цит. по: Кузьмина И. А. Материалы к биографии А. А. Фета // Русская литература. 2003. № 1. С. 136.

<sup>3</sup> Цит. по: Шеншин В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М., 1998. С. 219.

ственно более скромных особ: «...мой отец Иоганн Фёт и моя мать Сибилла, урожденная Миленс, проживающие в Кельне...»<sup>4</sup>

Из каких резонов был заключен брак, неизвестно. Молодожены из-за недостатка средств на приобретение собственного жилья, соответствующего статусу семьи, с которой Иоганн Фёт породнился, поселились в доме Беккеров. Отец семейства даже приобрел для них дорогую мебель, по его словам, достойную его дочери. (Позднее эта мебель станет источником недоразумений: как будет жаловаться великому герцогу Иоганн Фёт, он полагал, что получил ее в качестве приданого, в то время как тесть считал, что оплатить ее должен зять.) Как протекала семейная жизнь Иоганна и Шарлотты, судить трудно. По одним утверждениям, муж оказался пьяницей и грубияном, чуть ли не избивавшим супругу, по другим – брак был основан на «горячей любви» и супруги жили душа в душу. В любом случае не характер мужа был источником опасности для семейного благополучия. Угроза исходила от жены. Что-то в душе Шарлотты не смирялось с заурядностью окружения. У нее были какие-то неясные мечты и порывы, отчасти спровоцированные романтической литературой, отчасти усиленные особенностями психики, видимо, с детских лет неуравновешенной, склонной к иррациональным и непредвиденным поступкам, в которых, к сожалению, нельзя не увидеть раннее предвестие душевной болезни (возможно, наследственной). Супружеская жизнь текла своим чередом: в 1819 году Шарлотта родила дочь Каролину Шарлотту Георгину Эрнестину, которую не только дома, но и в официальных документах называли Линой; а в начале 1820 года уже носила второго ребенка, появления которого на свет ожидали в середине осени. Однако молодая женщина, видимо, была угнетена – не столько грубым мужем, сколько средой – и ожидала возможности «вырваться». Этим, вероятно, и объясняется драма, развернувшаяся на третий год супружества Шарлотты и Иоганна Фёт.

Воплощением мечты Шарлотты о какой-то высшей жизни стал человек, в общем, совершенно не выдающийся и в другом месте, кроме захолустного Дармштадта, никак не сошедший бы за романтического героя и не послуживший бы объектом бурных страстей – холостой русский орловский помещик средней руки Афанасий Неофитович Шеншин (1775–1855). Он был представителем довольно древнего дворянского рода – его предки упоминаются с XIV века. Правда, дворянство они получили только в XVII столетии при царе Михаиле Федоровиче Романове, даровавшем его Артемию Васильевичу Шеншину за доблесть в сражениях с поляками в Смутное время<sup>5</sup>. Афанасию Шеншину принадлежало несколько небольших поместий в Орловской губернии. Ко времени приезда в Дармштадт ему исполнилось 44 года, он был небогат, имел незначительную внешность. Его прошлое тоже не выглядело романтическим – в составе Новороссийского драгунского полка он участвовал в кампании 1805–1807 годов против наполеоновской Франции и вышел в отставку по болезни ротмистром Волынского уланского полка в 1809 году. С тех пор, преимущественно занимаясь хозяйством, он исполнял должность мценского уездного судьи, с 1815 по 1818 год был уездным предводителем дворянства, уволился с этой должности незадолго до приезда в Дармштадт, опять же «по болезни».

Видимо, намерение лечить эти не известные нам «болезни», не помешавшие Шеншину прожить еще более тридцати лет, и привело его в немецкое захолустье. Поскольку свободных номеров в гостинице не оказалось, его по тогдашнему обыкновению поселили в доме Беккеров. Вероятно, достаточно быстро постоялец стал почти членом семьи; во всяком случае с Иоганном Фётом и Эрнстом Беккером у него сложилась едва ли не дружба. Отношения же с Шарлоттой превратились в любовные. О том, как между ними возникло чувство, как протекал роман, как возникла идея бегства, как они смогли обмануть бдительность родни Шарлотты, нет никаких достоверных сведений, и фантазировать на эту тему мы не будем. Предпо-

<sup>4</sup> Цит. по: Там же. С. 215.

<sup>5</sup> См.: Там же. С. 22.

ложительно решение бежать было связано с отсутствием шансов на получение развода от Фёта обычным путем. И 19 сентября (1 октября)<sup>6</sup> 1820 года влюбленная пара покинула Дармштадт, оставив письма с объяснением произошедшего, извинениями и просьбами к отцу благословить новый союз (они были «найжены Эрнстом в незапертой Вашей (Шеншина. – М. М.) комнате»<sup>7</sup>). Письма, вероятно, содержали и обещание возместить моральный ущерб мужу и семье Шарлотты. Ее дочь Лина осталась с отцом и дедом. Проехав через Польшу (у Шарлотты в памяти навсегда запечатлелись знаменитые соляные копи в Величке), парочка в сопровождении верного камердинера Шеншина, Ильи Афанасьевича, прибыла в Орловскую губернию, в поместье Козюлькино, вскоре переименованное хозяином в Новоселки.

Этот поступок, даже если сделать скидку на то, что совершили его потерявшие голову от безумной страсти влюбленные, выглядит фантастически опрометчивым, в особенности со стороны Шеншина. Привезти из Германии чужую беременную жену, которая родит ребенка уже в России, означало получить серьезные проблемы, которые бегство не только не разрешало, но чрезвычайно усложняло. На успешные переговоры с оскорбленным мужем они, видимо, не надеялись. Дождаться родов в Германии означало оставить Фёту обоих детей – непереносимая ситуация для Шарлотты. Возможно, они считали, что своим бегством поставят Фёта в положение, в котором ему не удастся избежать развода. Если добиться его быстро, то можно заключить брак еще до того, как родится ребенок. Такой план выглядит чрезвычайно авантюрно и рискованно. В нем был изначальный изъян – любовники переоценили имевшееся в их распоряжении время (возможно, они ошибались относительно сроков беременности Шарлотты и одновременно не учли медлительность, с которой всё делается в России) и готовность оскорбленного супруга идти на компромисс.

Реакция Иоганна Фёта на бегство Шарлотты была естественной: он пришел в ярость. Он написал не одно письмо с упреками и угрозами, требуя личной встречи с обидчиком для объяснений и, возможно, дуэли. Чего он добивался, точно не известно; скорее всего, требовал возвращения жены с ребенком.

Семья Беккер, тоже понесшая серьезный моральный урон, тем не менее с самого начала заняла более трезвую позицию. В письме, написанном непрошеному «зятю» 7 (19) октября 1820 года, то есть практически сразу после бегства Шеншина с Шарлоттой, видно желание разрешить ситуацию, как можно меньше повредив дочери и ее детям. Отец объявляет ее невинной жертвой, к которой семья не потеряла ни капли любви и уважения («Крайне жалкое положение доброй, бедной и любимой моей дочери Шарлотты заслуживает, конечно, великих уважений, которые сохраняю я в отеческом сердце. <...> Мы, напротив, сохраним навеки к ней чистейшую любовь и почтение за превосходные ее качества, ибо вынужденное преступление не может их уничтожить одним ударом»<sup>8</sup>), которая доведена до нынешнего состояния злокозненными манипуляциями похитителя («Все, знающие с малолетства сию и всеми любимую женщину, утверждают, что употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо любимое дитя, бросила престарелого и больного отца своего, к которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своим здоровьем, сохраняя и услаждая жизнь его, наконец, покинула отцовский дом, место рождения, для того, чтоб ехать в дальние страны с посторонним человеком, которого знала она только несколько месяцев»<sup>9</sup>). Вся вина возлагалась на Шеншина (по утверждению Беккера,

<sup>6</sup> События, происходившие в Российской империи, датируются по юлианскому календарю, а за границей – по григорианскому. В случае двойной датировки первой указана дата по юлианскому календарю. (прим. редакции)

<sup>7</sup> Цит. по: Григорович А. К биографии А. А. Фета (Шеншина) // Русская старина. 1904. Т. 117. С. 166.

<sup>8</sup> Цит. по: Там же. С. 167.

<sup>9</sup> Цит. по: Там же.

«человека распутного, закоренелого в пороках»<sup>10</sup>), являющегося единственным виновником происшедшего:

«Добрый и благородный человек, если он в здравом рассудке, не сделал бы того. Вы увезли дочь мою и при том беременную... Вы учинили сию чрезвычайную несправедливость против невинных и добрых людей, которые, свято уважая божеские законы и семейственные связи, не могли согласиться на Ваше буйное и бесстыдное желание разрушать оныя. <...> Мы приняли Вас как больного иностранца в свой дом с искренностью и любовью и поступали как с старинным другом, не предполагая, что согреваем в груди своей ядовитую змею, которая вместо благодарности уязвит нас жестоко и неизлечимо»<sup>11</sup>.

Однако в том же послании выражалась готовность способствовать разводу и последующему браку при обязательном условии выполнения тех материальных обещаний, которые дал Шеншин в своем письме. Угрожая едва ли не уголовным преследованием и опираясь на свою сильную позицию отца, без разрешения которого невозможен новый брак, а без посредничества – развод, Беккер не требовал возвращения дочери:

«Если Вы думаете, что не нужно Вам согласия моего на брак с Шарлоттою, если Вы не исполните обещания, мне письменно данного, то не остается мне иного делать, как принести на Вас жалобу присутственным местам российского государства с пожертвованием даже всего нашего имущества. Наш великий герцог охотно подкрепит нашу просьбу письмом своим к императору Александру и к матери его, вдовствующей императрице, а принцесса Вильгельмина Луиза к сестре своей, императрице Елисавете Алексеевне. Мы уверены, что российское правительство не оставит без наказания такой дерзости, в чужих краях учиненной, и для великой нации столь поносной. Не почитайте сего за безрассудную угрозу, а за обдуманное намерение – единственное средство к защите и спасению бедной моей дочери. Весь Дармштадт, все члены двора знают и почитают мою Шарлотту, теперь столь несчастную, образцом добродетели и благочестия. Им всем известно, что сия добрая дочь жертвовала всеми удовольствиями молодости и даже здоровьем для бедного отца своего, которого прихоти сносила с ангельским терпением. Вы обязаны сохранением своей жизни Шарлотте и нашей к ней любви. В противном случае сидели б Вы теперь в тюрьме и размышляли б о великости Вашего преступления»<sup>12</sup>.

Шеншин, получивший это письмо, скорее всего, в конце октября или самом начале ноября, ощущал себя в последней крайности, возможно, уже столкнувшись с непримиримой позицией Фёта, его несогласием на развод, и был рад прибегнуть к посредничеству Беккера, признавая себя практически единолично ответственным. В ответном письме от 3 ноября Шеншин не только через него обращается с увещаниями к Фёту, но и клятвенно заверяет в святости данных финансовых обязательств: «Скажите г-ну Ф[ёту], что он для собственного своего спокойствия и для удостоверения, что он, как он говорит, желает или желал своего счастья, должен освободить ее, дать ей свободу. Если он не хочет сделать сего для нее, то должен он сделать это для своего детища, которое она скоро, очень скоро родит. Он должен освободить ее, развестись с нею. Скажите сами и прикажите также сказать и ему, могу ли я быть равнодушным к его участи? Я тогда возьму к себе дитя и буду отвечать перед Богом за его судьбу. О! Я буду иметь об нем попечение, как о своем собственном дитяти! Лина получит также по известному предположению обеспечения в 10 тысяч. Я клянусь в том перед Богом, и Ваша любезная дочь будет мне в том порукою»<sup>13</sup>.

Получив эти заверения, папаша Беккер начал какие-то предварительные переговоры с Фётом. Однако было уже слишком поздно: 29 ноября Шарлотта Фёт родила сына. Перед невен-

---

<sup>10</sup> Цит. по: Там же.

<sup>11</sup> Цит. по: Там же.

<sup>12</sup> Цит. по: Там же. С. 167–168.

<sup>13</sup> Цит. по: Кузьмина И. А. Указ. соч. С. 129.

чанной парой встала сложная проблема – ребенка необходимо было внести в метрические книги, обозначив имя и фамилию отца. Возможно, правильным решением было бы добиваться регистрации новорожденного как сына Фёта (поскольку сам Иоганн в это время, кажется, признавал его своим ребенком). Но, видимо, этот путь был неприемлем для Шарлотты, как мы полагаем, боявшейся утратить второго ребенка, поскольку в таком случае возникала опасность, что отец получит право вернуть его в Дармштадт. Скорее всего, такое решение было неприемлемо и для Шеншина, поскольку могло разрушить предназначенную для окружающих легенду, что он привез из Германии не чужую жену, но законную супругу, с которой обвенчался там по лютеранскому обряду. В результате любовники приняли решение, казавшееся им временным выходом: Афанасий убеждает местного священника крестить младенца по православному обряду и записать его, Шеншина, законным сыном. В метрики села Успенского на Ядрине 1820 года за номером 19 была внесена запись: «Сельца Новоселок у помещика ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина родился сын Афанасий 1820 года ноября 29, а крещен 30 числа»<sup>14</sup>. Это был несомненный для самого Шеншина и для всех замешанных в истории подлог.

Несмотря на то, что внешне по-прежнему удавалось сохранять вид законности связи Шеншина с Шарлоттой, развод оставался насущной задачей. В отчаянном письме от 29 декабря 1820 года Шеншин торопил папашу Беккера:

«Есть еще средство доставить нам всем совершенное удовлетворение. Старайтесь довести дело до развода. Тогда добрая и несчастная Лотта получит [в] легат (наследство. – М. М.) мельницу, притом 40 душ крестьян и 400 моргенов<sup>15</sup> земли, стоящей с лишком 35 [000] гульденов; в случае смерти моей это ее собственность. Как помещица может она, если пожелает, продать сие поместье. Лина получит легат в 10 000 гульденов, с коих проценты будут высланы ей по ее первому требованию, равно как и обеспечение в сей сумме.

О добрый отец! Ради Бога, выхлопочите развод, пришлите бумагу по предмету, о котором не хочу говорить, добрая Лотта должна подписать ее. Вы знаете, что я не могу писать оной бумаги»<sup>16</sup>.

Далее в том же письме Шеншин предлагает способ решения вопросов: «Позвольте г[осподину] Эрнсту приехать сюда в половине марта месяца с документом о разводе. Я пошлю к 10 марту 500 гульденов на дорогу до Киева, где коляска с лошадьми будет его ожидать. Поверьте мне, что я готов сделать всё по желанию Вашему, всё, что только можно»<sup>17</sup>.

К этому моменту, видимо, Беккерам удалось достичь успеха в переговорах с Фётом, которому мысль о разводе перестала казаться совершенно неприемлемой. Однако ни тот, ни другие не были готовы удовлетвориться обещаниями и, прежде чем дать согласие на развод и новый брак, требовали твердых обязательств и официальных документов. Шеншин согласился и на это. «Я клянусь Вам, – писал он Беккеру-старшему 15 (27) марта 1821 года из Москвы, – что сделаю всё по Вашему приказанию, разве только по обстоятельствам не буквально так, как Вы писали, однако ж всё; теперь приехал в Москву по делам, но Вы можете получить 500 гульденов годовых процентов от г-на ф[он] Ротшильда в Франкфурте-на-Майне; копию с акта, которую я, спустя несколько дней, заготовлю для Лины, получите Вы чрез две недели. Самый же подлинный документ перешлю с оказиею чрез Петербург, потому что он может по почте пропасть. Документ сей выдал я на 20 т[ысяч] российскими банковскими ассигнациями, что составит

<sup>14</sup> Цит. по: *Она же*. Еще раз о том, почему Афанасий Шеншин стал Афанасием Фетом // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013. С. 178.

<sup>15</sup> Морген – единица измерения площади, равная примерно 0,56 гектара. (прим. редакции)

<sup>16</sup> Цит. по: *Она же*. Материалы к биографии А. А. Фета. С. 130.

<sup>17</sup> Цит. по: Там же.

10 000 гульденов. Я желаю быть вернейшим другом г[осподина] Фёта. Попросите г[осподина] Фёта, чтобы он написал ко мне несколько строк, но не так, как прежде»<sup>18</sup>.

Только после этого на семейном совете было решено отправить в Новоселки, как того желал Шеншин, Эрнста Беккера, чтобы получить обещанный вексель, а также разузнать, в каких условиях живут Шарлотта и младенец Афанасий. Эрнст был выбран, видимо, и в силу своего авторитета в семье, и как питавший к сестре особенно теплые чувства. Вероятно, и Фёт, пусть и неохотно, согласился на посредничество шурина, которому имел основания не доверять, подозревая, что он был на стороне беглянки и заботился больше о ее счастье, чем об удовлетворении ее оскорбленного супруга. В Россию Эрнст отправился (видимо, выждав, когда дороги станут проезжими) только летом 1821 года, наверняка воспользовавшись предложенными 500 гульденами и бесплатным экипажем от Киева до имения Шеншина.

Визит Эрнста Беккера в Новоселки – самое раннее воспоминание будущего поэта: «Первым впечатлением, сохранившимся в моей памяти, было, что кудрявый, темнорусый мужчина, в светлосинем халате на черном калмыцком меху, подбрасывает меня под потолок, и мне было более страшно, чем приятно»<sup>19</sup>. Через короткое время пребывания в Новоселках Эрнст сообщил Фёту, что Шарлотта «выздоровела», весела и довольна, что Афанасия очень любят и заботятся о нем лучше тысячи отцов, и уговаривал отказаться от мстительных планов и согласиться на развод:

«Клянусь тебе, любезный Фёт, если б ты мог быть здесь и видеть, как Ш[еншин] мучается и хлопочет, чтобы устроить всё по твоему и всех нас желанию, как он страдает оттого, что теперь не может сделать так, как бы ему хотелось, и если бы ты видел, как он печалию сдается, – ты пожалел бы об нем и охотно помог бы ему, если бы то было тебе возможно. Тогда смягчил бы ты все прежние угрозы, коих, если бы то и нужно было, даже масонам не удалось бы привести в действие в здешнем краю и при здешних нравах. Хотя сии угрозы для благоразумного и спокойного человека там не много значат, а здесь – еще менее, однако ж они не дают покоя бедной Лотте ни день, ни ночь. Если б ты в подробности знал, с какими трудностями сопряжено в здешнем краю путешествие, которое, сверх того, уже ради детища не может предпринято быть прежде, как спустя год, ты не упомянул бы ни слова о предложенном свидании и о расторжении брака только после такового свидания»<sup>20</sup>.

Далее он сообщал, что Шеншин согласился выполнить все условия и, написав в присутствии Эрнста вексель «для Лины», обещал в ближайшем будущем прислать 500 гульденов. Завершал письмо шурином просьбой «действовать скоро»<sup>21</sup>.

«Действовать скоро» не удалось. Эрнст Беккер то ли на целых полгода задержался в Новоселках, то ли приезжал дважды (и именно его второй приезд и запомнил совсем крохотный племянник). Во всяком случае, следующее (и последнее известное нам) письмо Эрнста из Новоселок датировано 19 (31) марта 1822 года. Судя по его содержанию, к этому моменту сопротивление Фёта практически удалось сломить, и он был готов дать развод: «Любезный Фёт, ты сделал великое, прекрасное начало, и я предчувствую, что окончишь все совершенно. Я знаю твои благоразумные идеи, твои твердые правила в сем отношении, и я мог ожидать, что ты, в случае нужды, сделаешь гигантский шаг, однако ж со всем тем был я изумлен и должен был удивляться присутствию твоего духа; ибо при лучших правилах требуется великий дух, чтобы пренебречь всеми толками, мнениями и предрассудками, хотя они и пусты и ничтожны и разве[и]ваются ветром»<sup>22</sup>. Писавший его в Вербное воскресенье, проникнувшийся

<sup>18</sup> Цит. по: Там же.

<sup>19</sup> Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 3.

<sup>20</sup> Цит. по: Кузьмина И. А. Материалы к биографии А. А. Фета. С. 132.

<sup>21</sup> См.: Там же.

<sup>22</sup> Цит. по: Там же. С. 134.

духом любви к человечеству Эрнст призывал (видимо, не без задней мысли) и Фёта воспы- лать всепрощающей любовью. Письмо проникнуто религиозно-романтическим прекрасноту- шием (цитируется даже фрагмент из оды «К радости» Шиллера), под влиянием которого автор выражал надежду, что Шеншин и Фёт «прострут» друг другу руки, а Шарлотта встретится с последним «там, где сам Бог обитает»<sup>23</sup>.

Уже почти согласившийся на развод Фёт был недоволен тем, как решились дела с Шен- шинным. Приходилось убеждать его, что оформление векселя не на него, а на папашу Бек- кера является единственно возможным решением и никак не ущемляет его интересов: «Поз- воль еще, любезный Фёт, сказать тебе на размышление несколько сердечных, благонамеренных слов. Отец пишет, что ты, против всякого ожидания, очень недоволен распоряжением насчет твоей и нашей любезной Лины. Оставляя всё в стороне, спрашиваю только: может ли Шеншин при сих обстоятельствах, не вредя здесь во всяком отношении кредиту своему, объявить твое имя или кого-либо другого, кроме имени отца? Отец наш может ведь по твоему требованию сделать всякое распоряжение, а Шеншин, как я его знаю, будет всем доволен... Ты сам, любез- ный Фёт, видишь, что ты в сем отношении не можешь ничего переменить, если не хочешь навлечь на себя подозрение в недоверчивости, корыстолюбии или в другой слабости, что тебе, как я уверен, не свойственно. Я думаю, что отец для тебя довольно надежен, а насчет Шеншина можешь быть спокоен... Поверь слову друга и уповай на Того, Кто приводит всё к добру»<sup>24</sup>.

Видимо, эти аргументы подействовали. Когда Эрнст Беккер (видимо, в апреле) вернулся в Дармштадт с подписанными и заверенными обязательствами, дело о разводе быстро продви- нулось. Шарлотта официально перестала быть женой Иоганна Фёта в ноябре того же года.

Еще до формального развода, видимо, уже получив устное согласие Фёта, Шеншин подал орловскому епархиальному начальству прошение, в котором, повторив легенду о якобы имев- шем место венчании по лютеранскому обряду (которое, как он узнал только по приезде в Рос- сию, с точки зрения российского законодательства является недействительным), просил обвен- чать его с «второбрачной Шарлоттой Карловой дочерью, кригскомиссара службы великого герцога Гессенского Беккер, по первом муже Фёт»<sup>25</sup>, теперь уже по «правильному» православ- ному обряду. После того как от вышеназванной Шарлотты Карловой было получено согласие принять православие, она была крещена, получив имя Елизавета Петровна, и 4 сентября состо- ялся обряд венчания ее с Афанасием Неофитовичем Шеншинным. Вскоре подоспели и офици- альные бумаги из Германии. Положению бывшей Шарлотты Фёт, а ныне Елизаветы Петровны Шеншиной более ничего не угрожало. А вот с ее уже почти двухгодовалым сыном, записанным в метрики как Афанасий Афанасиевич Шеншин, дело обстояло иначе.

Несмотря на то, что отныне всё было легально и выглядело прилично (хотя, несомненно, злые языки нельзя было заставить замолчать), теперь уже законные супруги не могли не осо- знавать, что Афанасий стал Шеншинным в результате подлога, который не только *может быть* обнаружен в любой момент, но и непременно откроется при первом вступлении мальчика в официальную сферу – например, при поступлении в казенное учебное заведение. Очевидно, единственно возможным выходом было просить Фёта о признании ребенка его законным сыном. Добиться этого оказалось еще сложнее, чем получить развод. Возможно, Иоганн пожа- лел, что так легко отпустил изменницу-жену, и обида снова взяла верх над теми чувствами, которые в своих письмах старался пробудить в нем шурин Эрнст. Возможно также, что его оскорбило, что ребенка окрестили под другой фамилией и, прося признать его отцовство, не собираются возвращать. Но, вероятно, самой важной причиной была материальная – он по-

<sup>23</sup> Цит. по: Там же. С. 135.

<sup>24</sup> Цит. по: Там же.

<sup>25</sup> Цит. по: Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения: Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1985. С. 135.

прежнему был не согласен с тем, что вексель Шеншина на обеспечение Лины был выдан не ему, а отцу бывшей жены. Иоганн Фёт, мучимый подозрениями, потребовал у Беккеров передать ему вексель или переписать на его имя, но получил отказ. Чем в этом случае руководствовались родственники Шарлотты? Не исключено, что ими двигало желание оградить Шеншина от предъявления векселя к взысканию, к чему, скорее всего, намеревался незамедлительно прибегнуть Фёт. Отказ утвердил его в мысли, что он был попросту обманут бывшими родственниками, вступившими в сговор с Шеншиным. В результате Фёт наотрез отказался признать Афанасия своим сыном – вопреки очевидности, как утверждала Шарлотта, имея в виду, видимо, и сроки беременности, и, может быть, внешнее сходство (проверить это невозможно – изображений Иоганна не сохранилось). Против Беккеров же он начал судебный процесс, требуя вернуть ему вексель Шеншина, принадлежащий ему по праву опекуна несовершеннолетней Лины Фёт. Эту тяжбу он вел до конца жизни.

Впрочем, прожил Фёт недолго. С одной стороны, развод отчасти пошел ему на пользу – в 1824 году он женился во второй раз на гувернантке своей дочери Софии Генриетте Луизе Цан. С другой стороны, после того как он был вынужден выехать из дома Беккеров и лишился всякой поддержки с их стороны, жизнь его складывалась трудно. В прошении великому герцогу о материальной помощи, которое Фёт написал 17 июня 1825 года, незадолго до смерти, он подробно описал тяжелые обстоятельства, в которые попали он и его старшая дочь:

«Но я самым неожиданным образом оказался безвинно повергнут в пучину долга в размере двух тысяч гульденов и не могу их оплатить. Произошло это потому, что отец моей сбежавшей позднее жены военный комиссар Беккер, под предлогом приданого, приобрел для меня мебель стоимостью 1200 гульденов, за которую, как он говорил, не будет стыдно дочери тайного советника. Однако после этого расплачиваться за нее он принудил меня. Поэтому я был вынужден взять займы капитал в размере 1500 гульденов под простую расписку у бургомистра Хофманна и городского старшины Йокеля как для расплаты за эту мебель, так и для приобретения необходимой одежды для моей жены, которую должен был бы оплатить ее отец. В дальнейшем, из-за бегства моей супруги, которое имело место 1 октября 1820 года, из-за расходов на приобретение собственной домашней утвари, связанных с последовавшим за этим моим переездом из дома Беккера, из-за необходимости ухода за моей дочерью... а также из-за почти непрерывного медицинского ухода... и совершенно расстроенного здоровья в течение дальнейшего несчастливого времени, я задолжал еще 500 гульденов... Я обязался ежегодно выплачивать 300 гульденов благородным господам Хофманну и Йокелю, при этом я плачу за квартиру ежегодно 200 гульденов, а врач и аптека стоят мне 100 гульденов! После этих расходов остается мне с моей новой женой, ребенком и служанкой всего 400 гульденов в год! Таким образом я не могу сдержать своего слова, не страдая от голода!»<sup>26</sup>

Болезни быстро свели его в могилу. Скончался Иоганн Фёт 1 ноября 1825 года. Незадолго до смерти он составил завещание (датировано 12 октября), в котором назначил своими наследниками Лину и Луизу Цан и подтвердил свои притязания на вексель в десять тысяч гульденов, полученный, по его утверждению, «в подарок моей дочерью Линой от нынешнего супруга ее матери, моей прежней супруги, которые принадлежат мне как законному пользователю имущества моего ребенка»<sup>27</sup>. «После долгих размышлений» он «раз и навсегда» исключил из числа опекунов Лины «ее деда с материнской стороны господина военного комиссара Беккера, а также всю его семью, равно как и моих родителей», и назначил опекунами «супругу Луизу, здешнего жителя и мастера по изготовлению музыкальных инструментов господина Кюхлера и торговца господина Цана, проживающего на углу Ритцштайна»<sup>28</sup>. Более того, Фёт

<sup>26</sup> Цит. по: *Шеншина В.* Указ. соч. С. 219–220.

<sup>27</sup> Цит. по: Там же.

<sup>28</sup> Цит. по: Там же.

наказал им «противодействовать любым попыткам со стороны семьи Беккер воздействовать на Лину», а также «продолжать судебную тяжбу, которую я веду по этому поводу с господином военным комиссаром Беккером»<sup>29</sup>. Младший сын в завещании Фёта не упомянут ни словом.

В следующем году скончался и другой ближайший немецкий родственник младенца Афанасия – его дед по материнской линии, очевидно завещав пресловутый вексель своим сыновьям.

Теперь дело об усыновлении приходилось вести с душеприказчиками Фёта и опекунами Лины. Они, с одной стороны, действовали жестко, с другой – более рационально, не руководствуясь личными обидами и желанием отмщения. В результате, по мнению современной исследовательницы И. А. Кузьминой (правда, строящей свою аргументацию на косвенных доказательствах), они согласились в обмен на уплату процентов по векселям или еще каких-то дополнительных сумм официально признать Афанасия сыном Фёта. Во всяком случае, представляется вполне возможным, что едва ли не в 1826 году супруги Шеншины получили бумаги, удостоверявшие, что воспитывавшийся в их доме Афанасий является сыном умершего дармштадтского подданного Иоганна Фёта. Тем не менее по каким-то причинам они не дали этим бумагам никакого хода, и подлинное происхождение мальчика по-прежнему оставалось семейной тайной, неизвестной и ему самому.

На этом отношения семьи Шеншиных с германскими родственниками не прекратились. Эрнст Беккер не забывал сестру и в целом благосклонно относился к Шеншину. Елизавета Петровна и ее муж вели с ним переписку, сообщая о самочувствии его племянника и его успехах в учебе. О каких-либо сношениях госпожи Шеншиной с дочерью до начала 1840-х годов неизвестно; скорее всего, они были практически невозможны из-за опекунов, во исполнение воли Фёта ограждавших его дочь от какого-либо влияния «Беккеров». Афанасий Неофитович, видимо, честно выполнял обещание и периодически высылал опекунам Лины через банк Ротшильдов казавшиеся ему справедливыми и достаточными суммы. Пока вексель находился у Эрнста Беккера, такая ситуация выглядела безопасной. Однако этому обязательству, данному из-за отчаянного положения на сумму, явно разорительную для помещика средней руки, еще предстояло сыграть в жизни семьи Шеншиных роль своеобразного возмездия.

---

<sup>29</sup> Цит. по: Там же. С. 215–216.

## Барчонок

Сам Афанасий об этих драматических событиях, переговорах и судебных процессах не подозревал, не знал о своем подлинном происхождении и считал отцом Шеншина, хотя и имел сведения о немецком происхождении матери и живущих в Дармштадте родственниках по материнской линии и даже, видимо, изредка писал дяде Эрнсту. Детство его совсем не было идиллическим, и впоследствии он без всякой ностальгии вспоминал свои ранние годы.

Афанасия Неофитовича Шеншина нельзя было назвать богатым помещиком. От отца, Неофита Петровича, ему «по разделу достались: лесное, расположенное в семи верстах от Мценска Козюлькино, пустынное Скворчее в Новосильском уезде и не менее пустынный Ливонский Тим<sup>30</sup>, насчитывавшие в общей сложности около трехсот крепостных душ и 2200 десятин земли, «из коих 700 находилось в пользовании крестьян»<sup>31</sup>. Однако, несмотря на утверждение в воспоминаниях Фета, что Шеншин был «превосходный хозяин», имение было расстроено долгами от карточной игры, которой он увлекался еще в годы военной службы. Сыграли свою роль и вынужденные выплаты опекунам Лины Фёт. Хозяйство велось в режиме строгой экономии и приближалось к натуральному – живых денег было мало, и покупные продукты старались использовать как можно реже: «За исключением свечей и говядины да небольшого количества бакалейных товаров, всё, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян. Жалованье прислуге и дворне выдавал сам отец, но в каких это было размерах, можно судить по тому, что горничные, получавшие обувь, белье и домашнюю пестрядь на платья, получали кроме того, как говорилось, на подметки, в год по полтинному»<sup>32</sup>. Судя по всему, в таком положении хозяйство находилось на протяжении всего детства Фета и выбиться из него «прекрасному хозяину» Шеншину не удавалось – все доходы уходили на уплату «частных и казенных» процентов.

Из трех своих имений для постоянного пребывания с семейством его глава выбрал мценское Козюлькино и, «расчистив значительную лесную площадь на склоняющемся к реке Зуше возвышении, заложил будущую усадьбу, переименовав Козюлькино в Новоселки»<sup>33</sup>. Как часто бывало, новосельская усадьба, «состоявшая первоначально из двух деревянных флигелей с мезонинами», была построена на искусственно насыпанном возвышении. «Флигели стояли на противоположных концах первоначального плана с несколько выдающимся правым и левым боками. Правый флигель предназначался для кухни, левый для временного жилища владельца, так как между этими постройками предполагался большой дом»<sup>34</sup>. Задумано было с размахом, однако план оказался хозяину не по силам, и долгое время семейству приходилось «довольствоваться левым флигелем, получившим у нас название дома, а у прислуги хором. Что эти хоромы были невелики, можно судить по тому, что в нижнем этаже было всего две голландских печки, а в антресолях одна»<sup>35</sup>. Начинался дом с «просторных сеней, в которых была подъемная крышка под лестницею в подвал. Налево из этих теплых сеней дверь вела в лакейскую, в которой за перегородкой с балюстрадой помещался буфет, а с правой стороны вдоль стены поднималась лестница в антресоли. Из передней дверь вела в угольную такого же размера комнату

<sup>30</sup> На самом деле имение, согласно документу от января 1838 года, называлось деревня Слободка «в 37-ми мужеска поля душах крестьян с землею, строением, усадьбами и мукомольною мельницею на речке Тим». (прим. редакции)

<sup>31</sup> Фет А. А. Указ. соч. С. 13.

<sup>32</sup> Там же. С. 14.

<sup>33</sup> Там же. С. 8–9.

<sup>34</sup> Там же. С. 9.

<sup>35</sup> Там же.

в два окна, служившую столовой, из которой дверь направо вела в такого же размера угольную комнату противоположного фасада. Эта комната служила гостиной. Из нее дверь шла в комнату, получившую со временем название классной. Последней комнатой по этому фасаду был кабинет отца, откуда небольшая дверь снова выходила в сени. Нужно прибавить, что в отцовском кабинете аршина три в глухой стене были отгорожены для гардероба. Весь мезонин состоял из одного 10-ти аршинного сруба, разгороженного крестообразно на четыре комнаты, две поменьше и две побольше. Меньшие были девичьими, а из двух больших одна была спальною матери, а другая детской»<sup>36</sup>, вспоминал Фет. Со временем постоянное увеличение семейства вынудило Шеншина выстроить на месте предполагаемого большого дома небольшой одноэтажный флигель.

В памяти Фета остались несколько поездок в Мценск, куда Шеншин ненадолго ездил по делам и брал с собой всё семейство. Однако в основном детство будущего поэта прошло в новосельском имении, в скромном флигеле. Единственным хозяином, носителем непререкаемого авторитета в доме и семье был Афанасий Неофитович. Фету он запомнился человеком с не слишком привлекательной внешностью: «Круглое, с небольшим широким носом и голубыми открытыми глазами, лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность. Особенный оттенок придавали этому лицу со тщательно выбритым подбородком небольшие с сильною проседью бакенбарды и усы, коротко подстриженные. <...> Волосы с сильной проседью, которые он зачесывал с затылка на обнаженный череп... до глубокой старости, с тою разницей, что всё короче подстригал на затылке скудные седины, сохраняя те же стриженные усы и бакенбарды и ту же несообщительную сдержанность выражения»<sup>37</sup>.

Глава семьи «большую часть спал на кушетке в своем рабочем кабинете, или был в разъездах по имениям»<sup>38</sup>, «зачастую уезжал на Тим к бесконечному устройству дорогой плотины и крупчатки». Но и во время его отсутствия всё делалось с оглядкой на него, на его распоряжения, обычаи и правила. «Важные мероприятия в доме шли от отца, не терпевшего ничего вмешательства в эти дела. Было очевидно, до какой степени матери было неприятно решать что-либо важное во время частых разъездов отца», даже если речь шла всего лишь о покупке нового нанкового сюртука для дворового человека. Гастрономические предпочтения у Шеншина были простые: «Великим постом отец любил ботвинью с свежепросольною домашней осетриной, но особенно гордился хорошим приготовлением крошева (рубленной кислой капусты)» – и считал их вполне пригодными и для остальных членов семейства. Больших культурных интересов он не имел, хотя и невежественной деревенщиной его назвать было бы неверно: «Кроме “Московских Ведомостей” и “Вестника Европы”, никаких книг не выписывал»<sup>39</sup>, – вспоминал поэт.

Видимо, Шеншин-помещик был суровым и притеснительным. Хотя Фет и говорит о «сравнительном благополучии» шеншинских крепостных, тем не менее зафиксированы жалобы на него его крестьян; впрочем, после разбирательства по ним Шеншин был оправдан.

Сдержанным и не склонным к сентиментальности он был и в семейной жизни. Едва ли не сразу по приезде в Новоселки его пылкая страсть к Шарлотте остыла. «Но никогда я не видал ни малейшей к ней ласки со стороны отца. Утром при встрече и при прощании по поводу отъезда он целовал ее в лоб, даже никогда не подавая ей руки»<sup>40</sup>, – пишет Фет. Куда делась любовь да и была ли она вообще (а если ее не было, то что заставило Афанасия Неофитовича вести себя так, как описано выше?), навсегда останется загадкой.

<sup>36</sup> Там же. С. 9–10.

<sup>37</sup> Там же. С. 4–5.

<sup>38</sup> Там же. С. 17.

<sup>39</sup> Там же. С. 56–57, 22, 42, 23.

<sup>40</sup> Там же. С. 4.

Столь же скупым на выражение чувств Шеншин был и по отношению к младшим членам семьи: «Изредка признаки ласки к нам, детям, выражались у него тем же сдержанным образом. Никого не глядя по голове или по щеке, он сложенными косточками кулака упирался в лоб счастливица и сквозь зубы ворчал что-то вроде: “ну”...» Афанасий Неофитович не видел необходимости баловать детей – ни в гастрономическом, ни в развлекательном смысле. «Набравшись, как я впоследствии узнал, принципов Руссо, отец не позволял детям употреблять сахару и духов. <...> Отец не был против игр и даже беготни детей, но неприветливо смотрел на игрушки, даримые посторонними. “Не раздражайте желаний, говорил он; их и без того появится много; деревянные кирпичики, колчужки – самые лучшие игрушки”»<sup>41</sup>, – вспоминал поэт.

Не исключено, впрочем, что педагогические идеи Руссо были ни при чем и метода Шеншина основывалась на той же экономии и нежелании лишних трат. Это ощущал и мальчик, которому такая «диета» с раннего детства доставляла массу унижений: «Помню, в какой восторг однажды пришел наш отец, которому ловкий Петр Яковлевич сумел с должным выражением рассказать, как мы с сестрою Любинькой, посаженные за детским столом в отдельной комнате, отказываясь от сладкого соуса к спарже, сказали: “это с сахаром, нам этого нельзя”. Конечно, отцу и в голову не приходило, какое чувство унижения он вселял в мое сердце, выставляя меня перед сторонними детьми каким-то парием. Тут дело было не в ничтожной сласти, а в бесконечном унижении»<sup>42</sup>.

Трудно судить, выделял ли Шеншин Афанасия из других детей в семье; окрашивалось ли его отношение к старшему ребенку тем, что он не был его родным сыном. Если Афанасий Неофитович и смотрел на него по-особенному, думая о его месте в семье и о его будущем, то внешне это нивелировалось общей сдержанностью и строгостью, распространявшейся на всех членов семьи без разбора.

Положение дел, когда Шеншин был единственным авторитетом в семье, распространялось не только на вопросы быта, но и на планы на будущее детей. В вопросах определения их судеб Афанасию Неофитовичу не приходило в голову (несмотря на приписываемый ему Фетом «руссоизм») хотя бы в малой степени руководствоваться их склонностями и вкусами.

Шарлотта, а ныне Елизавета Петровна Шеншина – «стройная, небольшого роста, темно-русая, с карими глазами и правильным носиком»<sup>43</sup>, – кажется, также (судя по воспоминаниям сына) никак не проявляла былых следов бурной страсти и решительности, приведших ее в Россию. Своего второго мужа она, подобно всем остальным членам семьи, боялась, полностью подчинилась его авторитету, практически не имея самостоятельного голоса ни в домашнем хозяйстве, ни в воспитании, ни в определении будущего детей, которых, конечно, искренне любила. Безусловно, она была культурнее и развитее супруга, сохранила те черты характера и вкусы, которые привели ее в Россию. Подруга Елизаветы Петровны и соседка по имени Варвара Михайловна Мансурова, по свидетельству Фета, снабжала ее книгами. Культурным запросам своих детей она симпатизировала существенно сильнее супруга, была более религиозна, чем он, но вера ее была скорее эстетически экзальтированная, чем глубокая и сознательная. Елизавета Петровна смирилась с необходимостью вести практически полностью натуральное хозяйство, требовавшее много времени и сил, а также с экономностью мужа, из-за которой не могла позволить себе даже простые женские удовольствия. Если бы не подарки доброго родственника, «у матери нашей, вероятно, не было бы ни одного шелкового платья»<sup>44</sup>, вспоминал Фет.

<sup>41</sup> Там же. С. 5, 12.

<sup>42</sup> Фет А. А. Указ. соч. С. 27–28.

<sup>43</sup> Там же. С. 10.

<sup>44</sup> Там же. С. 14.

Отсутствие влияния на детей было обусловлено также душевной болезнью, постепенно заставлявшей Елизавету Петровну всё больше времени проводить в постели. Фет вспоминал: «Бедная мать, утрачивая вместе с здоровьем и энергию, всё полнела, и хотя никогда не была чрезмерно толста, но по мере прибавления семейства всё реже и реже покидала кровать, обратившись наконец в мучительный одр болезни»<sup>45</sup>. Одним из проявлений недуга были тяжелые истерические припадки. В воспоминаниях и письмах Фет будет называть мать «бедной», «мученицей» и «страдалицей», имея в виду не только болезнь, но и тяжелую обстановку в семье, и выпадавшие на ее долю тревоги и заботы. Благодаря матери он знал немецкий язык как родной.

Болезнь не мешала Елизавете Петровне приносить потомство. Всего она родила Шеншину восьмерых детей. После Афанасия появилась на свет Анна, к которой он испытывал, как сам вспоминал, какую-то болезненную любовь, выражавшуюся в том, что он довольно сильно кусал девочку и его никак не могли от этого отучить; затем – Василий. Оба ребенка умерли в младенчестве; Василий как-то незаметно исчез из мира старшего брата, но предсмертная улыбка Анюты запомнилась ему навсегда. Вскоре, в мае 1824 года, Елизавета Петровна произвела на свет Любовь. В 1828 году в семье появился еще один мальчик, названный отцом – то ли от равнодушия, то ли по непонятной принципиальности – так же, как его умерший брат, Василием. Затем родилась еще одна девочка, которую опять же без всяких суеверий назвали Анной. В 1832 году родилась Надежда, а последним, в следующем году, Петр. Эти дети были уже сильно младше Афанасия и большой роли в его детстве не играли – напротив, старший брат сыграл заметную роль в их детстве, и уважение и любовь к нему они сохранили на всю жизнь. Видимо, все с материнской любовью унаследовали ее склонность к культурным интересам, и немецкий язык, и свою долю наследственности. Все они были такими же бесправными перед отцом, всё решавшим за них. Каждый из них будет до конца ощущать себя жертвой отцовского произвола, и не все смогут преодолеть его влияние на свою судьбу.

Страх перед постоянно отсутствующим и вечно занятым отцом, жалость к больной матери, состояние которой постоянно ухудшалось, были, конечно, не единственными эмоциями, испытывавшимися мальчиком. Унылые годы без игрушек и сладостей (желудевый кофе, прописанный врачами брату Васе, страдавшему рахитом, радовал как величайшее лакомство, потому что туда клали сахар) скрашивались другими впечатлениями – благо русский усадебный быт предполагал присутствие в доме многочисленной челяди.

Как в жизни любого барчонка, большое место в жизни маленького Афанасия занимали дворовые, прислуга, хотя бы до некоторой степени распространявшая на него пиетет перед его отцом. Едва ли не самой экзотичной и даже отчасти загадочной персоной была «крещеная немка Елизавета Николаевна»<sup>46</sup> – то ли экономка, то ли компаньонка матери. Не очень хорошо говорящая по-русски, эта женщина превратилась во всё знающую и вникающую во все обстоятельства «ключницу». Важным центром притяжения были комнаты домашних девушек: «Я... не знал ничего отраднее обеих девичьих. Эти две небольших комнаты не отличались сложностью устройства, зато как богаты были содержанием! Вместо стульев в первой и во второй девичьей, с дверью и лестницей на чердак, вдоль стен стояли деревянные с висячими замками сундуки, которые мама иногда открывала, к величайшему моему любопытству и сочувствию». Здесь ребенок приобщался к тайной жизни дома и наслаждался сказками «про жар-птицу и про то, как царь на походе стал пить из студеного колодца и водяной, схватив его за бороду, стал требовать того, чего он дома не знает...»<sup>47</sup>.

<sup>45</sup> Там же. С. 5.

<sup>46</sup> Там же. С. 4.

<sup>47</sup> Там же. С. 10–11.

С красивой горничной Аннушкой связаны и эстетические, и первые эротические переживания Афанасия (вспоминая о них в старости, он будет отрицать какое-либо физическое влечение к этой девушке): «Однажды, видя, как я неловко царапаю перочинным ножом красное яйцо, чтобы сделать его похожим на некоторые писанные, Аннушка взяла из рук моих яйцо, со словами: “позвольте, я его распишу”. Усевшись у окна, она стала скрести ножичком яйцо, от времени до времени, вероятно для ясности рисунка, слизывая соскобленное. Желая видеть возникавшие под ножичком рисунки и цветы, я до того близко наклонялся к ней, что меня обдавало тончайшим и сладостным ароматом ее дыхания. К этому упоению не примешивалось никакого плотского чувства, так как в то время я еще твердо верил, что проживающая у нас по временам акушерка приносит мне братцев и сестриц из колодца»<sup>48</sup>.

Мужская прислуга относилась к барчонку с любовью и, кажется, с сочувствием. Одним из самых «выдающихся» слуг был назначенный Афанасию в дядьки «камердинер отца, Илья Афанасьевич, сопровождавший его к Пирмонтским водам и в Дармштадт»<sup>49</sup>, откуда вместе с ними приехала в Новоселки беременная первым сыном Шарлотта. Фет вспоминал:

«Илья Афанасьевич, безусловно, подобно всем в доме, боявшийся отца, постоянно сохранял к нам, детям, какой-то внушительный и наставительный тон.

– Вам, батюшка барин, скоро надо учиться, *schprechen sie deutsch*<sup>50</sup>, пойдете в полк да станете генералом, как Алексей Петрович, и стыдно будет без науки.

Это не мешало Илье Афанасьевичу весною из сочной коры ветлы делать для меня превосходные дудки...»<sup>51</sup>

В целом прислуга, горничные, дядьки, слуги, описанные в мемуарах поэта, остались в его памяти людьми, которые были к нему неизменно добры, воплощали светлое начало в его жизни. Существенно меньше мальчику приходилось сталкиваться с крестьянами и их детьми. Общение с ними происходило в церкви, на духовные праздники, во время Троицыных обрядов. Никакой особенной теплоты в их отношении Фет не чувствовал. В памяти поэта от этого «соседнего» мира сохранились фигуры страшного силача, очень древнего старика, отвратительного юродивого, старухи-богомолки, которую во время эпидемии мужики едва не убили, приняв за «холеру», и другие скорее экзотические, чем типичные персонажи.

Многочисленная отцовская родня постоянно присутствовала в жизни мальчика, но слабо скрашивала его жизнь. Дед, Неофит Петрович, старший сын воеводы Петра Афанасьевича Шеншина (по семейному преданию, «ездившего на конях, кованных серебром»), имел троих сыновей – Афанасия, Петра и Ивана, и трех дочерей – Прасковью, Любовь и Анну. С сестрами и братьями Афанасий Неофитович поддерживал вполне родственные отношения – очевидно, причин для семейных ссор и разладов не было, и те часто появлялись в Новоселках. Любовь и Анна были замужем: «первая за богатым волховским помещиком Шеншиным (Петр Ильич Шеншин происходил из другой ветви того же дворянского рода. – М. М.), а вторая за небогатым офицером из поляков – Семеновичем и проживала в своем наследственном имении под Орлом, на реке Оптухе». В основном при своих визитах они представляли не столько любящими тетушками, сколько строгими экзаменаторшами, интересовавшимися преимущественно поведением племянника и его успехами в учебе. Дядя Иван был фигурой курьезной: в юности считавшийся «одним из лучших танцоров на балах Московского Благородного Собрания, он прекрасно владел французским языком и всю жизнь до глубокой старости с зеленым зонтиком на глазах продолжал читать *Journal des Debats*<sup>52</sup>». Приезжая в гости, «он, усевшись на

<sup>48</sup> Там же. С. 19.

<sup>49</sup> Там же. С. 6.

<sup>50</sup> *Искаж. нем.* *Sprechen Sie Deutsch* – говорите по-немецки. (прим. редакции)

<sup>51</sup> Там же. С. 6–7.

<sup>52</sup> «Журнал де Деба Политик е Литерэр» («*Journal des Débats Politiques et Littéraires*» – «Газета политических и литературных дебатов») – влиятельная французская консервативная газета, выходившая в Париже с 1789 по 1944 год. (прим. редакции)

диван, тотчас засыпал либо, потребовав тетрадку белой бумаги, правильно разрывал ее на осьмушки, которые исписывал буквами необыкновенной величины», отчего его пальцы всегда были перепачканы чернилами. Уже в возрасте сорока пяти лет он неожиданно для всех женился на молодой девушке по имени Варвара Павловна, «со свежим цветом лица», почему-то прозававшей племянника Альфонсом. Две их дочери, Анна и Любовь, были существенно младше Афанасия. Сыновья тетишки Анны Неофитовны Семенович, Николай и Александр, старше кузена по возрасту, при встречах смотрели на него свысока, к тому же заочно были источником его постоянного раздражения, поскольку ему регулярно ставили в пример их каллиграфические тетради. Единственный сын тетишки Любви Неофитовны, Капитон, вызывал у мальчика, которого одевали в куцую куртку, зависть своим «полуфрачком», носимым им с такой уверенностью, «как бы это был настоящий фрак»<sup>53</sup>.

Единственным исключением в несклонной к теплоте в отношениях отцовской родне был дядя Петр. Боевой офицер, раненный в голову в сражении под Фридландом (1807) и вышедший в отставку капитаном, он был холостяк, большой любитель охоты, человек добрый и любимый челядью, хотя и вспыльчивый, не терпевший, чтобы ему перечили, но быстро отходивший. Петр Неофитович, очень близкий к старшему брату, видимо, во всех подробностях знал об истории, предшествовавшей рождению его старшего сына. Он полюбил невестку и племянника, которому еще предстояло столкнуться с последствиями легкомысленного поступка своей матери и ее второго мужа. Его любовь проявлялась и материально – благодаря ему у Елизаветы Петровны (его крестной, получившей в честь него свое русское отчество) появлялись украшения и умеренно дорогие предметы дамского туалета, а у Афанасия – небольшие подарки. Петр Неофитович впоследствии собирался простереть свою щедрость существенно дальше, оставив в специальном сундуке в наследство племяннику значительную сумму денег (так утверждал Фет).

Но дело было не только в деньгах, платьях и подарках. Дядюшка Петр не считал, что ласка и вообще физический контакт с ребенком портят его. Он позволял племяннику садиться верхом ему на грудь и на замечания брата добродушно отвечал: «Ты, пожалуйста, уж оставь нас в покое. Мы с ним друг друга знаем»<sup>54</sup>. Фет будет с удовольствием вспоминать, как дядя с улыбкой брал его за щеки, за нос, за подбородок и затевал веселую игру в угадайку. Дядя был не только менее черствым, но и более чутким человеком, чем Афанасий Неофитович. Восхищаясь прекрасной, как ему казалось, памятью племянника, он намного бережнее относился к склонностям ребенка и вступал со старшим братом в споры о методах обучения и воспитания Афанасия.

Несмотря на «несообщительный» характер, Шеншин имел добрые отношения с семьями соседей-помещиков. Аристократию в Мценском уезде представляла семья Новосильцевых, известная в российском бюрократическом и придворном мире. Самой важной особой в ней был Петр Петрович Новосильцев – адъютант московского генерал-губернатора, а в дальнейшем московский вице-губернатор. Позднее Афанасий познакомился с его сыном Иваном. Это знакомство, уже в зрелые годы переросшее в настоящую дружбу, впоследствии стало одним из самых важных в жизни поэта. Близких отношений с Новосильцевыми быть не могло, но брат Петра Петровича Николай, заведовавший женскими учебными заведениями и проживавший по большей части в Петербурге, узнав о выдающихся хозяйственных способностях Афанасия Неофитовича, просил его присмотреть за имением, приносящим подозрительно мало дохода.

Приятельские отношения Шеншины поддерживали с семьями, более близкими к ним в социальном и имущественном плане. Поневоле чаще всего приходилось встречать, гостить и принимать у себя многочисленное и довольно состоятельное семейство Зыбиных, в чьем име-

<sup>53</sup> Там же. С. 38, 33, 39, 68.

<sup>54</sup> Цит. по: Там же. С. 13.

нии Ядрине находилась церковь, в приход которой входили Новоселки. Эта семья производила на ребенка противоречивое впечатление. С одной стороны, Афанасия привлекала хозяйка – молодая красавица Александра Николаевна, позволявшая ему качаться у себя на коленях, держась, как за вожжи, за ее жемчужное ожерелье. С другой стороны, Зыбины были и источником уколов зависти, и напоминанием о собственной бедности и сомнительных шансах на блестящее будущее: «Сравнительно богатые молодые Зыбины воспитывались в московском дворянском пансионе и не раз приезжали в мундирах с красными воротниками и золотыми галунами к нам с визитом, но никогда, невзирая на приглашение матери, не оставались обедать. Вероятно, желая казаться светски развязными, они громогласно хохотали за каждым словом»<sup>55</sup>.

Чуть большей ровней владельцам Новоселок была семья Мансуровых, проживавшая в селе Подбелевец. Это были приятные люди, среди которых особенно привлекал живший отшельником среди книг Александр Михайлович, после смерти которого его доверенный крестьянин Сергей Мартынович был взят в дядьки Афанасию, а одна из двух милых (по впечатлению Афанасия) дочерей почтенного главы семейства Михаила Николаевича Варвара стала на всю жизнь верной подружкой матери Фета, снабжавшей ее книжками, на покупку которых Афанасий Неофитович был скуп. Впрочем, молодой хозяин Подбелевца Дмитрий Михайлович отличился женитьбой на богатой девице Сергеевой (состоявшей в родстве с Лутовиновыми, породнившимися таким же образом с Тургеневыми), которая, «кроме несколько тяжеловесной полноты, была и хрома, чего не могла скрыть и поддельным каблуком»<sup>56</sup>. Богатый свадебный обед запомнился Фету тем, что, втиснутый между двумя гостями, он не мог поднять руки и так и не отведал ни одного из подававшихся блюд.

Наиболее близкой к Шеншиным была семья Борисовых, жившая в родовом имении Фатьянове в десяти верстах от Новоселок в большом старинном доме с множеством комнат, семью детьми и челядью. Глава семьи Петр Яковлевич слыл весельчаком с широкой натурой, с улыбкой проигрывал в карты большие суммы и щедро жаловал деньги чужой прислуге. Он был вольтерьянец, безбожник, любивший антирелигиозные поэмы и обожавший подшутить над нетрезвыми попами. При этом дома Петр Яковлевич был вспыльчив и жесток, терроризируя домочадцев, дворовых и крестьян. Борисов считался хорошим приятелем Шеншина и часто гостил в Новоселках. Его жена Мария Петровна была для матери Фета главной соперницей в искусстве ведения домашнего хозяйства. Маленький Афанасий завидовал их детям – у тех были игрушки и даже тележка, которую они могли катать в саду, а старший, Николай, ездил на собственной лошадке. Но именно в этой семье он нашел друга на всю жизнь. Иван Борисов, младше Афанасия на два года, видимо, уже в детстве обладал свойствами, притягивавшими к нему людей.

Их дружба укрепилась после трагического события в семье Борисовых, ставшего закономерным результатом необузданности нрава главы семейства, охотого до дворовых девушек: он был повешен в саду своими слугами. Из дружеских чувств Афанасий Неофитович, сам нуждавшийся, решил взять под опеку имение Борисова и его многочисленное семейство; девочки остались с матерью в Фатьянове, а мальчики несколько месяцев прожили в Новоселках, до того как отправиться в кадетский корпус. Может быть, Шеншиных и Борисовых сблизала и достаточно душливая атмосфера в обеих семьях – дух показухи, в случае Борисова – показательная щедрость и благополучие и экономия на семье, в том числе и недостаток любви, отдававшейся чужим людям, в то время как домашним доставалась вырвавшаяся наружу злоба.

Учить Афанасия начали рано – Шеншин ценил образование как необходимое подспорье для карьеры. «Мать при помощи Елизаветы Николаевны выучили меня по складам читать по-немецки; но мама, сама понемногу выучившаяся говорить и писать по-русски, хотя в право-

<sup>55</sup> Там же. С. 59.

<sup>56</sup> Там же. С. 28.

писании и твердости почерка впоследствии и превосходила большинство своих соседок, тем не менее не доверяла себе в деле обучения русской грамоте», – вспоминал поэт. В результате было решено брать домашних учителей, но на немцев и тем более французов средств, конечно, не хватало.

Существенно дешевле стоили услуги семинаристов, к которым и прибегли. Из семинарий выходили разные люди, образование в них получали немало знаменитостей, включая университетских профессоров, критиков и литераторов. Известный профессор Московского университета Николай Надеждин окончил Духовную академию, семинаристом был прославленный реформатор Михаил Сперанский. Возможно, Фету не повезло – его наставники представляли не лучшую часть этого сословия. В любом случае он будет всю жизнь недобро и иронически вспоминать своих учителей, и семинарист навсегда станет для него антиподом по-настоящему образованного человека. Не исключено, впрочем, что почти гротескные образы семинаристов оформились в фетовских мемуарах задним числом: в рассказе о своих часто сменявшихся учителях Фет изображает свое первое столкновение с предшественниками русских революционеров-радикалов, с которыми будет яростно сражаться на страницах своей поздней публицистики.

Первым из них был некий Петр Степанович, сын мценского соборного священника. Его деятельность продолжалась, однако, недолго: «...вскорости по водворении в доме этот скромный и, вероятно, хорошо учившийся юноша попросил у отца беговых дрожек, чтобы сбегать во Мценский собор, куда, как уведомлял его отец, ждали владыку. Вернувшись из города, Петр Степанович рассказывал, что дорогой туда сочинил краткое приветствие архипастырю на греческом языке. Вероятно, приветствие понравилось, ибо через месяц Петр Степанович получил хорошее место чуть ли не в самом Орле». Ребенок, только начавший постигать азы русской грамматики, временно был передан на попечение совершенно неграмотного, но добродушного и преданного дядьки Филиппа Агафоновича. Затем взяли нового семинариста по имени Василий Васильевич. Этот молодой человек прожил в имении Шеншиных несколько дольше, начал учить мальчика латыни и древней истории, однако не преуспел, оставив в памяти ученика «какой-то клубок» из невнятных слов «Архелай, Агизелай и Менелай и даже Лай», и также предпочел педагогической карьере духовную. «Василий Васильевич, подобно Петру Степановичу, получил место сельского священника, и я снова пробыл некоторое время без учителя»<sup>57</sup>, – вспоминал Фет.

Существенно дольше задержался «высокий брюнет, Андрей Карпович... человек самоуверенный и любивший пошутить». «Если Петра Степановича и Василия Васильевича вне класса можно было считать за немых действующих лиц, то Андрей Карпович представлял большое оживление в неофициальной части своей деятельности. Правда, и это оживление в неурочное время мало споспешествовало нашему развитию, так как система преподавания “отсюда и досюда” оставалась всё та же, и проспргав, быть может безошибочно, laudo<sup>58</sup>, мы ни за что не сумели бы признать другого глагола первого спряжения. Протрещав с невероятною быстротою: “Корон, Модон и Наварив<sup>59</sup>” или: “свевы, аланы, вандалы с огнем и мечом проходили по Испании”, – мы никакого не отдавали себе отчета, что это такие за предметы, которые память наша обязана удерживать. Не помогало также, что, когда мы вечером на прогулке возвращались с берега реки между посевами разных хлебов, Андрей Карпович, слегка нахлестывая нас тонким прутом, заставлял твердить: *rapieum* – гречиха, *milium* – просо»<sup>60</sup>. Андрея Карповича, получившего место учителя в ливенском училище, сменил Петр Иванович, кото-

<sup>57</sup> Там же. С. 20, 48.

<sup>58</sup> Хвалить (*лат.*). (прим. редакции)

<sup>59</sup> Корон, Модон, Наварино – венецианские крепости, потерянные в войне с турками (1499–1503). (прим. редакции)

<sup>60</sup> Там же. С. 49.

рый вскоре, порвав с духовной карьерой, поступил в Московскую медико-хирургическую академию. Наконец, всех семинаристов заменили образованным культурным священником отцом Сергием, другом семьи, ставшим репетитором сестры Любиньки, а заодно обучавшим и Афанасия. Однако и при нем больших успехов в овладении науками дети не добились.

Не удалась и попытка Афанасия Неофитовича приобщить мальчика к музыке. Он, как всегда, исходил не из склонностей ребенка, а из собственных представлений о благе и пользе: «... Отец заботился о доставлении мне общественных талантов... музыку считал верным средством для молодого человека быть всюду приятным гостем. Решено было, что, так как я буду служить в военной службе и могу попасть в места, где не случится фортепьян, то мне надо обучаться игре на скрипке, которую удобно всюду возить с собою. <...> Помню, с каким отчаянием в течение двух зимних месяцев я вечером наполнял дом самыми дикими звуками»<sup>61</sup>. Закончилось это мучение после того, как учитель музыки запил, а Афанасий сломал смычок, изо всех сил ударив им кошку, уронившую клетку со щеглом.

Если интереса к «науке» и музыке преподаватели не смогли возбудить в Афанасии, то «природа» интересовала его намного больше. Конечно, речь не идет о «созерцании». Его увлекала ловля птиц, которой он занимался и в одиночку, и на пару с дворовым мальчиком Митькой, большим мастером этого дела, которого Шеншин определил Афанасию в товарищи по обучению для возбуждения в нем духа соревновательности и стимулирования усердия. Птиц ловили с помощью силков, которые мальчик научился делать очень искусно, проявляя необычную для дворянского отпрыска склонность к работе руками (Шеншин даже сообщал в письме Беккерам, что прочит его в инженеры<sup>62</sup>). Добычей становились вьюрки, «с виду похожие на овсянку, только кофейного цвета, как соловей, и с прелестным красным нагрудничком»; голосистые синички, прозывавшиеся детьми «синица певичка, красная девица, буфетница»; чижи, «целым стадом» садившиеся на росшую в саду липу<sup>63</sup>. Другим развлечением подобного рода была охота, которую не любил Афанасий Неофитович, зато дядя Петр обожал и сумел привить племяннику страсть к этой барской забаве. Предметом мечтаний была собственная лошадка, ради которой Афанасий готов был идти на разные жертвы и пользовался возможностью показаться без ведома родителей; результатом одной из таких тайных поездок стала серьезная рана, шрам от которой сохранился на всю жизнь. При этом интерес к хозяйству, управлению имением, знакомству с сельскохозяйственными работами у ребенка отсутствовал – Шеншин занимался этим сам и не стремился приобщить к этим заботам своих наследников.

Судя по всему, у Афанасия практически отсутствовала склонность к религии. Надо сказать, жизнь в Новоселках мало способствовала ее развитию. Афанасий Неофитович был типичным (пусть и заурядным) сыном века Просвещения, равнодушным к религии (проверяя после долгого отсутствия счета и находя в них полтинник, потраченный на «благодарность» священнику, он выражал неудовольствие), хотя и какого-то особенного безверия и вольнодумства не выказывал: семья пунктуально посещала храм и выполняла положенные обряды. Сама Церковь в лице своих представителей, сельских священников, не внушала мальчику большого уважения. Унизительная бедность, часто порожденная совсем не монашеским образом жизни, зависимость священника от помещика, которого он духовно окормлял, – все эти хорошо известные черты жизни русского провинциального духовенства Афанасий видел собственными глазами, неизбежно усваивая типичные для тогдашних помещиков формальное уважение к учению Церкви, ее требованиям и при этом презрение к большинству ее представителей. «В те вре-

<sup>61</sup> Там же. С. 30.

<sup>62</sup> См.: Блок Г. П. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 11.

<sup>63</sup> См.: Фет А. А. Указ. соч. С. 32.

мена многие из духовенства отличались невоздержностью к крепким напиткам»<sup>64</sup>, – считает необходимым заметить Фет в мемуарах.

Подобный пример являл собой отец Яков, на которого Афанасий Неофитович «смотрел неблагоклонно, по причине пристрастия его к спиртным напиткам»: «Отец Яков усердно исполнял требы и собственноручно пахал и убирал, с помощью работника, попадьи и детей, свою церковную землю; но помянутая слабость приводила его к крайней нищете. Помню, как во время великопостных всенощных, когда о[тец] Яков приподымался на ногах и с поднятыми руками восклицал: “Господи, Владыко живота моего”, – я, припадая головою к полу, ясно видел, что у него, за отсутствием сапог, на ногах женины чулки и башмаки»<sup>65</sup>.

Среди знакомых священников был достаточно образованный отец Сергей, превратившийся в совершенно домашнего человека и отчасти приживала, постоянно обращавшийся с разнообразными просьбами, но и сам готовый услужить, например купить скрипку или починить музыкальный инструмент. Но и он своей услужливостью не усиливал авторитет Церкви в глазах мальчика. И вся внешняя сторона православия не находила в его душе никакого отклика: присутствие на церковных службах заполнялось рассматриванием платьев и причесок дам, пасхальные обряды ассоциировались с ужасной необходимостью христосоваться с внушавшим отвращение деревенским дурачком Кондратом, богослужебные тексты трудно запоминались и вызывали скуку. Религиозная сфера была чем-то слишком домашним, продолжая на другой лад непроницаемую серость жизни в Новоселках.

Другой, трансцендентной стороны христианства, собственно веры в Бога как Спасителя, Того, кто утешает в невзгодах и позволяет переносить тяготы или скуку жизни, Фет в детстве не узнал. Проводником такой религиозности могла стать Елизавета Петровна, по первому крещению и по домашнему воспитанию лютеранка, то есть представительница той христианской конфессии, которая еще сохраняла живую веру, начитавшаяся Шиллера и имевшая склонность к экзальтации, порывам и поискам чего-то высшего по сравнению с убогим земным существованием человека. И, видимо, такое влияние она действительно оказала: с ней Афанасий молился сердцем, а не по заученному тексту, раздражавшему его повторами и длиннотами.

Но эта трансцендентность у мальчика (и в этом во многом «виновата» сама мать, чья религиозность, несомненно, несла в себе противоречие между Христом и Шиллером) приняла преимущественно эстетический характер – стремление к высшей красоте, а не к высшему благу: «Не менее восторга возбуждала во мне живопись, высшим образцом которой являлась на мои глаза действительно прекрасная масляная копия Святого Семейства, изображающая Божию Матерь на кресле с Младенцем на руках, младенцем Иоанном Крестителем по левую и св[ятым] Иосифом по правую сторону. Мать растолковала мне, что это произведение величайшего живописца Рафаэля, и научила меня молиться на этот образ. Сколько раз мне казалось, что Божия Матерь тем же нежным взором смотрит на меня, как и на своего Божественного Младенца, и я проливал сладкие слезы умиления...»<sup>66</sup>

У маленького Афанасия не было ни способностей, ни склонности к живописи, и он не делал попыток подражать Рафаэлю. Но тяга к красоте как убежищу, спасению от тусклой жизни нашла реализацию в очень раннем интересе к литературе и прежде всего к поэзии, сформировавшемся, несомненно, также при участии матери. «В ту пору, – вспоминал Фет в последнем томе своих мемуаров, – я мог быть по седьмому году от роду и, хотя давно уже читал по верхам: аз-араб, буки-беседка, веди-ведро; тем не менее немецкая моя грамотность далеко опередила русскую, и я, со слезами побеждая трудность детских книжек Кампе, находил удоволь-

---

<sup>64</sup> Там же. С. 45.

<sup>65</sup> Там же. С. 45–46.

<sup>66</sup> Там же. С. 18.

ствие читать в них разные стихотворения, которые невольно оставались у меня в памяти»<sup>67</sup>. Имеющаяся в виду серия «Детская библиотека», издававшаяся одним из основоположников литературы для детей Иоахимом Генрихом Кампе, была передовым явлением в педагогике. Книжки были популярны в Германии. Существовало их переложение на русский язык, сделанное адмиралом А. С. Шишковым, однако по инициативе Елизаветы Петровны для обучения старшего сына были выписаны немецкие оригиналы. В общем, это были обычные хрестоматии, состоявшие из назидательных рассказиков, детских пьесок и сенок, притч, молитв, басен, стихотворений о природе, добродетели и пороке, а также Божьем величии и милосердии. Но, погружаясь в книжку, юный Фет предпочитал не «познавать мир» или учиться добродетели, а «наслаждаться ритмом затверженных немецких басенок...»<sup>68</sup>.

Опять же ритм произвел на Афанасия впечатление в одном из первых серьезных стихотворений, прочитанных и заученных им практически наизусть:

«Помню, как однажды доктор Вейнрейх, войдя в гостиную, положил перед матерью захваченный с почты последний номер Московских Ведомостей, прибавив: “Здесь прекрасное стихотворение Жуковского на смерть императрицы Марии Феодоровны”. И он стал читать:

“Итак твой гроб с мольбой объемлю”.

– Das ist in Iamben<sup>69</sup>, – сказал Вейнрейх.

Это замечание осталось мне на всю жизнь самым твердым уроком. Позднее я слушал метрику в Московском университете у незабвенного Крюкова, но не помню ни одного слова из его лекций. Зато поныне узнаю ямб, прикидывая его к стиху:

“Итак твой гроб...”

Могу сказать, что я с детства был жаден до стихов, и не прошло часу, как я знал уже наизусть стихотворение Жуковского»<sup>70</sup>.

Афанасий Неофитович, видимо, не одобрял экстенсивное чтение («На мое стремление к стихам он постоянно смотрел неблагоклонно...»<sup>71</sup>), хотя и препятствовать не пытался. Зато любимый дядя Петр, обладавший классическим вкусом, восхищался способностью племянника запоминать стихи и предложил ему выучить наизусть рыцарскую поэму итальянца Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе Семена Раича (вышедшую в четырех небольших книжках в 1828 году), установив щедрую премию в тысячу рублей за каждую песню.

Предложение поначалу показалось Афанасию соблазнительным, и он принялся за исполнение; но чтение и заучивание монотонно-неуклюжих стихов, которыми учитель Тютчева переложил великую поэму, оказалось занятием настолько трудным и скучным, что даже меркантильные соображения не смогли заставить довести дело до конца: «Я действительно выучил наизусть почти всю первую песню; но так как корыстолюбие в такие годы немислимо, то я набросился на “Кавказского пленника” и затем на “Бахчисарайский фонтан”, найденные мною в рукописной книжке Борисовых, выпрошенной Василием Васильевичем для прочтения»<sup>72</sup>. (Борисовская «рукописная книжка» сыграла первостепенную роль в литературном образовании мальчика: по ней он «познакомился с большинством первоклассных и второстепенных русских поэтов от Хераскова до Акимова включительно»<sup>73</sup>.) В пушкинских поэмах юного читателя привлекли не содержание, не романтические герои и их страсти, не экзотические пейзажи, не сюжетные перипетии, не «байронизм», а гармония, «сладость». Именно благодаря ей поэмы с очень разреженным сюжетом были для него привлекательнее наполненного «приклю-

<sup>67</sup> Там же. С. 16.

<sup>68</sup> Там же. С. 16–17.

<sup>69</sup> Это ямбами (*нем.*). Ямб – двухсложный стихотворный размер с ударением на втором слоге. (прим. редакции)

<sup>70</sup> Там же. С. 31–32.

<sup>71</sup> Там же. С. 30.

<sup>72</sup> Там же. С. 34.

<sup>73</sup> Там же. С. 105.

чениями», но неблагозвучно-шероховатого «Освобожденного Иерусалима». С детства у Фета не было развито то, что называется поэтическим воображением; поэзия пришла к нему не в виде мечты, смутных фантастических или реалистических, но оригинальных образов, а в виде красивых сочетаний ритмов и звуков.

Показательно, что его первыми самостоятельными поэтическими опытами стали переводы:

«По ночам, проснувшись, я томился сладостною попыткой переводить немецкую басню на русский язык. Вот наконец после долгих усилий русские стихи заменяют немецкие... Когда мною окончательно овладевал восторг побежденных трудностей, я вскакивал с постели и босиком бежал к матери, тихонько отворяя дверь в спальню.

– Что тебе надо? – сначала спрашивала мать, встревоженная моим неожиданным приходом; но впоследствии она уже знала, что я пришел диктовать свой стихотворный перевод, и я без дальнейших объяснений зажигал свечку, которую ставил на ночной столик, подавая матери, по ее указанию, карандаш и клочок бумаги»<sup>74</sup>.

Самому Фету запомнился сделанный им перевод взятого из книжки Кампе стихотворения немецкого поэта Иоганна Беньямина Михаэлиса:

Летела пчелка, пала в речку,  
Увидя то, голубка с бережечку  
С беседки сорвала листок  
И пчелке кинула мосток.  
Затем голубка наша смело  
На самый верх беседки села.  
Стал егерь целиться в голубку,  
Но пик! пчела его за губку.  
Паф! дробь вся пролетела,  
Голубка уцелела.

Это, собственно, и есть самое раннее известное нам произведение Фета. Рассуждать о его достоинствах не имеет смысла. Показательно, насколько неважна была для маленького переводчика мораль басенки: он не стал переводить последнее предложение фрагмента (в оригинале – «Wem dankt sie nun ihr Leben?»), что можно перевести как «Кого она должна благодарить за свою жизнь?») и совершенно игнорировал мораль, выделенную автором в отдельную строфу («Erbarmt euch willig fremder Not! / Du gibst dem Armen heut dein Brot / der Arme kann dir's morgen geben» – «Сжался над чужим бедствием! / Ты дашь бедному свой хлеб сегодня, / Бедный может дать тебе завтра»). Желание не высказать что-то, но передать ритм, череду стройных звуков вызывало «сладостный» трепет творчества, отрывавшего мальчика от унылой действительности, и навсегда очертило для него ту область, где человек хотя бы на время чувствует себя в каком-то подобии Царствия Небесного.

---

<sup>74</sup> Там же. С. 17.

## Верро

Пока тянулись унылые детские годы Афанасия, документы, удостоверяющие его происхождение, хранились в тайне, ожидая момента, когда потребуются их обнародовать. Такая необходимость возникла, когда мальчику исполнилось 13 лет. В конце 1833 года опекуны Лины Фёт и душеприказчики покойного Иоганна Фёта смогли по суду получить в свое распоряжение находившееся у Эрнста Беккера заемное письмо Шеншина и начали энергичную кампанию по взысканию с него всей суммы долга и полагающихся по ней процентов.

Двадцать девятого декабря 1833 года министр иностранных дел Российской империи Карл Васильевич Нессельроде направил министру внутренних дел Дмитрию Николаевичу Блудову письмо, в котором уведомлял о получении «просьбы опекунов дочери умершего в Дармштадте ассессора городского суда Фёта, Лины Фёт, на имя гессенского министерства, о истребовании от помещика Орловской губернии, отставного ротмистра Афанасия Шеншина, скорейшего платежа остальных должных им по данному им кригскомиссару Беккеру заемному письму денег, следующих помянутой Фёт»<sup>75</sup>. Граф Блудов передал дело орловскому гражданскому губернатору Аркадию Васильевичу Кочубею. 3 января 1834 года мценским земским судом было начато «Дело о взыскании с отставного ротмистра Шеншина должных кригскомиссару Беккеру денег. Тут же о денежном требовании девицы Лины Фёт». Документ говорил сам за себя, и суд быстро принял решение в пользу истцов. 20 февраля 1834 года Шеншину было отправлено предписание об уплате по иску опекунов не только самой указанной в векселе суммы, но и процентов по ней за 11 лет, что вместе составляло 35 тысяч рублей; для помещика средней руки, обладателя расстроеного долгами имения, это означало совершенное разорение.

Оказавшиеся в катастрофической ситуации Шеншины пытались защищаться: 11 апреля того же года Афанасий Неофитович в направленной в суд записке утверждал, что уже заплатил по обязательствам через барона Ротшильда значительную сумму. 11 июля уже Елизавета Петровна направила господину заседателю Мценского земского суда И. А. Бологову письмо, в котором предлагала опекунам в оплату долга ее мужа «часть следующего и доставшегося мне после смерти вышеупомянутого родителя моего кригскомиссара Карла Беккера по наследству каменного дома, в г. Дармштадте состоящего»: «Дом сей в бытность мою в г. Дармштадте ценили [в] пятьдесят тысяч гульденов, что составляет не менее ста тысяч р[ублей]»<sup>76</sup>.

Эти объяснения и предложения были через посредство российской миссии во Франкфурте-на-Майне переданы гессен-дармштадтскому министерству, но истцов не удовлетворили. 11 июля 1835 года опекуны Лины Фёт Кихлер и Цан подали прошение, в котором утверждали, что банкирский дом Ротшильда ничего не знает о каких-либо деньгах, переводившихся через него Лине, ее опекунам или Беккерам. Проведя оценку полагавшейся Елизавете Шеншиной по праву наследования части дома ее покойного отца, они утверждали, что стоимость его не выходит за пределы трех тысяч гульденов. Это прошение поступило в Мценский земский суд вместе с дополнительными бумагами (в том числе письмами Эрнста Беккера Иоганну Фёту), подтверждавшими право Лины Фёт на получение указанной в заемном письме суммы и процентов по ней.

Благодаря специфике сложной и неповоротливой российской судебной системы процесс удастся затянуть: претерпевая разные повороты (в 1839 году дело едва не дойдет до действительного разорения ответчика), он будет длиться до 1842 года, когда завершится благополучно для Шеншиных благодаря вмешательству достигшей совершеннолетия Лины.

---

<sup>75</sup> Цит. по: Кузьмина И. А. Материалы к биографии А. А. Фета. С. 123.

<sup>76</sup> Цит. по: Там же. С. 126.

Но если благосостояние (пусть и относительное) семьи тяжбе с Кихлером и Цаном разрушить не удалось, то в судьбе юного Афанасия она сыграла решающую роль. Видимо, еще до того как началось дело, Шеншин узнал, что будут предъявлены документы, в которых правда о рождении и настоящей фамилии Афанасия выйдет на свет. Супруги предприняли попытку избежать следствия – в сентябре 1834 года Елизавета Петровна предъявила Орловскому губернскому правлению документы, удостоверяющие, что Афанасий является законным сыном Фёта и имеет право на его фамилию, объяснив запись в метрической книге ошибкой.

Однако без шума решить вопрос было невозможно. 30 сентября 1834 года губернское правление запросило у Орловской духовной консистории данные об обстоятельствах рождения Афанасия. 4 ноября было начато «Дело об усыновлении» № 1135. 17 ноября губернское правление отправило туда же запрос о браке Афанасия Неофитовича Шеншина. В результате расследования, в ходе которого священник, крестивший Афанасия, показал, что записал младенца сыном Шеншина «по уважению, оказываемому в оном доме», была достоверно установлена невозможность для Афанасия являться законным сыном Шеншина. 21 января 1835 года Шеншины получили свидетельства Орловской духовной консистории № 277 и Орловского губернского правления № 270. В первом утверждалось, что «означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно», во втором – что «опекуны Лины Фёт признают рожденного оною бывшею Шарлотою Фёт Афанасия сыном вышеозначенного умершего ассессора Иоганна Петра Вильгельма Фёт... следовательно, и нет сомнения, что упомянутый Афанасий имеет происхождение от родителей его амт-ассессора Иоганна Петра Вильгельма Фёт и его бывшей жены Шарлотты Фёт»<sup>77</sup>. По данным исследовательницы И. А. Кузьминой, еще 5 декабря 1834 года Афанасий Неофитович, «добивавшийся занесения его вместе с детьми в шестую часть родословной книги, представил Орловскому дворянскому депутатскому собранию соответствующее прошение. В перечне детей, естественно, не было имени Афанасия»<sup>78</sup>.

Таким образом, 21 января 1835 года будущий поэт официально перестал быть членом семьи Шеншиных, лишился не принадлежавшей ему по закону фамилии, а вместе с ней права на дворянское звание и российского подданства, являясь отныне законным сыном дармштадтского подданного из мещан, а следовательно, в дальнейшем не мог претендовать на какую-либо долю в наследстве от Шеншина по праву родства.

Сам Афанасий о произошедшем ничего не знал – отчим предпочел избежать личного объяснения с ним по этому поводу. Мальчика было решено отправить в какое-либо учебное заведение. Возможно, опять же из соображений экономии или попросту потому, что долго не могли решить, что же делать с Афанасием, Шеншины дождались срока, когда надо было отправлять на учебу дочь Любу. Документы обоих детей, необходимые для поступления, были получены к началу 1835 года, и в феврале им было сообщено (Афанасию, видимо, без всякой подготовки) о кардинальном изменении в их жизни.

«Мне, – вспоминал поэт, – было уже лет 14, когда около Нового года отец решительно объявил, что повезет меня и Любиньку в Петербург учиться. Приготовлены были две кожаных кибитки с фартуками и круглыми стеклянными по бокам окошечками, и как бы вроде репетиции отец повез нас с сестрою на “Добрую воду” (имение дяди Ивана. – М. М.), на Оптуху (имение на одноименной реке под Орлом. – М. М.) к Семенковичам и наконец, главным образом, в Орел проститься с дедушкой. Нервная мать всё время не могла удержаться от слез, но это видимо только раздражало отца, и он повторял: “нет, нет, это не моя метода; так-то, говорят, обезьяны обнимают детей, да и задушат. Дети не игрушки; по-моему, поезжай хоть в Америку, да будь счастлив”». То, что Шеншин в очередной раз определил его судьбу, было для Афанасия привычным и возражений с его стороны не вызвало. К страху перед неизвестностью и грусти

<sup>77</sup> Цит. по: Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета. С. 135, 139, 140.

<sup>78</sup> Кузьмина И. А. Материалы к биографии А. А. Фета. С. 141.

от предстоящей разлуки примешивалась и радость от начала новой жизни: Фет вспоминал, что при расставании с матерью был горд «предстоящей... свободой»<sup>79</sup> и простился с ней недостаточно сердечно.

Несмотря на проявленную решимость (впрочем, всегда ему свойственную) отдать детей в учебное заведение пансионерами, Афанасий Неофитович не представлял себе, где будут учиться Афанасий и Люба. Видимо, он надеялся на совет и покровительство соседей по имению, братьев Новосильцевых. Этими надеждами и был определен маршрут. В начале февраля, погрузившись в кибитки, Шеншин со старшими детьми выехал в Москву. По пути заехали в Мценск, где провели день у дяди Петра (от которого Афанасий получил в подарок «плоские серебряные часы с золоченым ободком и 300 рублей ассигнациями денег»<sup>80</sup>), и через Калугу, запомнившуюся мальчику только громадным количеством голубей, прибыли в Первопрестольную.

В Москве поселились в гостинице Шевалдышева на Тверской улице и сразу же отправились к старшему Новосильцеву. Петр Петрович принял их радушно, угостил обедом и отсоветовал обучаться в московских заведениях, а вместо этого посоветовал ехать в Петербург к своему брату, а также снабдил рекомендательным письмом к другому важному сановнику – Василию Андреевичу Жуковскому, влиятельному лицу, в силу своих придворных обязанностей руководителя воспитанием и образованием наследника престола хорошо разбиравшемуся в учебных заведениях и проблемах образования. В Москве провели еще один день: Шеншину нужно было по делам посетить Опекунский совет, а Афанасий неожиданно отправился повидать одного из своих бывших менторов, учившегося в Медицинской академии. На третий день снова отправились в дорогу.

Ехали долго, ночуя на постоянных дворах, выбирая, где самовар подешевле. 15 февраля 1835 года прибыли в столицу и остановились на постоялом дворе на Средней Мещанской улице. Николай Петрович Новосильцев посоветовал отдать Любу в Екатерининский институт, куда 18 февраля Афанасий Неофитович подал прошение. Жуковский же (Фету повидать его не удалось – Шеншин отправился к нему один) не рекомендовал учить мальчика в Петербурге и посоветовал отправиться в Дерпт к его хорошему знакомому профессору Мойеру, который мог бы порекомендовать приличное учебное заведение. Пока ожидали решения судьбы Любы, Фет имел возможность познакомиться с Петербургом; судя по его воспоминаниям, город не вызвал ни большого интереса, ни восхищения – в основном отрок проводил время, ловя голубей на внутренней галерее постоялого двора. После того как 28 февраля дочь Шеншина была принята в институт, он, заплатив вперед 900 рублей за первый год ее обучения, повез Афанасия в Дерпт.

В почти заграничном Дерпте (ныне эстонский город Тарту), куда путники попали в начале марта, Афанасия поразило, что извозчик, везший их до квартиры Мойера, сидел «в санях в капоте с коротким многоэтажным воротником, а его парочка лошадок в дышле была запряжена в шоры без всякой шлеи, так что при спуске с горы шоры всползали лошадам на самый затылок»<sup>81</sup>. Мойер высказал сомнение в пользе пребывания подростка, оторванного от родителей, в шумном университетском городе среди разгульной студенческой молодежи и предложил попробовать устроиться в соседнем городке Верро (современный эстонский город Выру) в пансионе, с владельцем которого Крюммером он был хорошо знаком. Шеншин счел совет разумным, Мойер тут же написал в Верро и на другой день получил благоприятный ответ. Решили, не теряя времени, отправиться в то место, где Афанасию суждено было провести без-

---

<sup>79</sup> Фет А. А. Указ. соч. С. 77.

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> Там же. С. 87.

выездно несколько лет. Долгий путь, приведший подростка за тысячу верст от родного дома, подошел к концу.

Вступительное собеседование у Крюммера оказалось чистой формальностью (настоящий экзамен Афанасию, скорее всего, сдать успешно не удалось бы). «Многоученный» преподаватель Мортимер «попросил меня перевести на латинский язык слова: “я говорю, что ты идешь”. Как я ни силился, но не мог попасть на винительное с неопределенным, пока Мортимер не подсказал мне: “Dico te venire”», – вспоминал Фет. Через два часа Шеншину было объявлено, что Афанасий принят: по возрасту – в старшую палату, а «по учению» – в третий класс. Ему выделили место за длинным столом в классной комнате, со своим ящиком, закрывавшимся на собственный ключ, и кровать в дортуаре. «Затем, – писал в мемуарах поэт, – ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отец, заказав почтовых лошадей, дал поцеловать мне свою руку, и я, мечтавший о свободе и самобытности, сразу почувствовал себя среди иноплемennых людей в зависимости, с которой прежняя домашняя не могла быть поставлена ни в какое сравнение»<sup>82</sup>.

Верро, в котором предстояло жить Афанасию, был крохотным городком, с населением, согласно описи 1835 года, 1025 человек, 80 процентов которого составляли прибалтийские немцы и по 10 процентов – эстонцы и русские. Извозчиков здесь не водилось – за малостью расстояния до любого места жители ходили пешком. Главной достопримечательностью была булочная пекаря Шлейхера, знаменитая своими пряниками. Православная церковь была одна, зато учебных заведений – целых восемь (в том числе воскресные и начальные школы, а также пансион для девочек), среди которых выделялось то, в котором Фету предстояло постигать азы знаний. Пансион занимал напоминавшее настоящий замок большое здание на «широкой улице, вдоль которой с площади до самого озера тянулась широкая березовая аллея»<sup>83</sup>. Его основателем и неизменным директором был Генрих Каспар Крюммер, человек уважаемый и известный не только в Верро: он был автором учебников арифметики, использовавшихся не только в его собственном пансионе, но и за пределами Лифляндии, немых (контурных) карт. Пансион Крюммера имел выходящую далеко за пределы Верро репутацию серьезного учебного заведения, дающего основательное образование и «доброе» воспитание, и был популярен среди родовитых прибалтийских дворян лютеранского вероисповедания, охотно помещавших в него своих сыновей. Они-то и составляли большинство учеников: из шестидесяти шести мальчиков, обучавшихся в пансионе в то время, когда туда поступил Фет, только пятеро, считая его самого, были русские и православные.

Крюммер был не просто «хозяин» пансиона – он определял дух и принципы воспитания и обучения. Судя по воспоминаниям выпускников и учителей, Крюммер, с одной стороны, был доброжелательным и добродушным, любил детей и пошел в педагогику по зову сердца, считая ее своим призванием. Его доброту и снисходительность Фет не раз испытал на себе. С другой стороны, Крюммер имел черты доктринера, несколько напоминая в этом отношении Афанасия Неофитовича, только на немецкий лад. Причем его доктринерство было особого рода. Директор пансиона, в котором воспитывались в основном лютеране, принадлежал к ответвлению протестантизма – гернгутерам, или моравским братьям. Представители этой евангелической деноминации давно жили в России и вели активную миссионерскую деятельность, особенно на ее прибалтийских территориях, вызывая симпатии и у русских. Так, В. А. Жуковский, побывавший в Сарепте, своеобразной столице российского гернгутерства, писал в послании «К Воейкову» (1814):

В Сарепте зрелище иное:

<sup>82</sup> Там же. С. 82, 83.

<sup>83</sup> Там же. С. 82.

Там братство Христиан простое  
Бесстрашием ограждено

.....  
Там вечно то же и одно;  
Всему свой час: труду, безделью;  
И легкокрылому веселью  
Порядок крылья там сковал.

.....  
Там девы простотой счастливы,  
А юноши трудолюбивы  
От бурных спасены страстей  
Рукой занятия целебной...

Труд, дисциплина, минимум «земных» удовольствий и соблазнов, четкий распорядок дня и строгое распределение обязанностей в общине, ежедневное чтение и изучение Священного Писания – вот основы воспитания, по представлениям гернгутеров, превращавшего человека в достойного гражданина и хорошего христианина. На таких принципах была построена и жизнь воспитанников пансиона Крюммера.

Спали ученики в дортуарах на первом этаже: у каждого был свой шкаф, куда убиралась складная кровать. Чтобы лечь, нужно было, открыв дверь шкафа, опустить кровать; таким образом, получалось что-то вроде «отдельной корабельной каюты». Будили пансионеров в шесть утра. Накинув халаты, они бежали через холодные сени в свою «палату» – помещение, предназначенное для класса, там умывались над лоханью со свежей водой, после чего получали легкий завтрак: кружку молока с ломтем ситного хлеба. Затем те ученики, которые накануне не успели сделать уроки, могли подготовиться к предстоящим занятиям. В восемь часов звонок созывал на пятиминутную утреннюю молитву, «состоящую из лютеранских стихов, пропетых общим хором под мастерскую игру на органе»<sup>84</sup> одного из учителей. Сразу после этого начинались занятия, длившиеся до одиннадцати часов, – всего три урока. После подавали второй завтрак – такие же ломти хлеба, но теперь очень тонко намазанные маслом. С половины двенадцатого у старших классов был четвертый часовой урок, а младшие в это время отдыхали. В половине первого все бежали в общую залу обедать за двумя рядами длинных столов. Обед состоял из картофельного супа или щей на первое и жареной говядины с картофелем на второе. К обоим блюдам полагался ломоть ситного. Получить дополнительный кусок было практически невозможно, и мало кто решался его попросить. Через полчаса обед завершился, и учеников под надзором дежурного учителя в любую погоду вели на прогулку. Прогулка не только была полезным для здоровья моционом, но и имела образовательную цель: во время нее было положено говорить только по-русски или по-французски. В два часа пополудни ученики садились за приготовление уроков. С половины третьего до половины пятого были два урока, а у старшеклассников после этого еще ежедневный урок латыни. С половины шестого до шести пили молоко, затем до восьми вечера под присмотром надзирателей готовили уроки. В восемь часов устраивался ужин из двух блюд: каши-размазни и вареной говядины с картофелем. С половины девятого давался час на отдых. Затем надзиратель объявлял молитву, ученики на минуту преклоняли головы, а закончив молиться, меняли сюртуки на ночные халаты, а сапоги на туфли, клали одежду на свое место в ящиках стола и бежали в дортуар. В десять часов все должны были спать – разговаривать в постели категорически запрещалось, за этим строго следили дежурные учителя или сам Крюммер. Таким образом, на сон отводилось семь часов, на

---

<sup>84</sup> Там же. С. 83, 84.

учебу – 11, на всё остальное, включая еду, – шесть часов. Воспитание было трудовым, отдыху уделялось мало времени.

В воскресенье после обеда ученикам разрешалось покупать сдобные булочки и разную выпечку (в том числе знаменитые пряники), приносимые в корзинах от булочника Шлейхера (карманные деньги выдавались Крюммером первого числа каждого месяца (суммы зависели от достатка и щедрости родителей). В субботу урок заменялся Законом Божиим; русских учеников вели в дом православного священника, единственного в городе; остальные духовно окормлялись многочисленными лютеранскими пасторами непосредственно в пансионе. На Троицын день, особо почитавшийся лютеранами, устраивались конные экскурсии: пансионеры побывали в Псково-Печерском монастыре и знаменитом замке Нойхаузен.

Курение и употребление алкоголя исключались, табак был разрешен только в старшем классе. Однако раз в год, в день рождения Крюммера, на стол ставилось красное вино; в младшем классе, где учились 20 человек от семи до одиннадцати лет, подавали четыре бутылки, охотно выпивавшиеся, что для некоторых детей было чревато тяжелыми последствиями. Рацион питания был весьма скромным (по выражению Фета, ученики жили «впроголодь») не столько по соображениям «экономии», сколько из-за убежденности во вреде излишеств, уверенности Крюммера, что необходимо с детства приучать довольствоваться малым.

Возможно, из тех же резонов крайне мало внимания уделялось гигиене. Пансион изобилдовал крысами, охота на которых составляла одно из любимых развлечений учеников. Как ни удивительно, у Крюммера совершенно отсутствовало медицинское обслуживание: в пансионе не только не было собственного доктора, но и не принято было приглашать врача из города при каких-либо недомоганиях воспитанников, по утверждению Фета, болевших редко (видимо, так благотворно действовал на молодые организмы заведенный режим), а в случае хвори лечившихся исключительно компрессами из уксуса, настоями из липового цвета или малины. Впрочем, это касалось не только пансионеров; учитель Эйзеншмидт, заболев едва ли не тифом, две недели лежал без всякого лечения под присмотром добровольно ухаживавших за ним учеников.

Видимо, с образовательной точки зрения пансион Крюммера оправдывал свою высокую репутацию. На 66 учеников в четырех классах было десять преподавателей. Сам незаурядный педагог, не чуждый наукам, Крюммер строго выбирал учителей, предпочитая тех, кто не только знал предмет, но и умел толково и доходчиво объяснять его ученикам. Конечно, преподавательский состав в пансионе был несопоставим с галереей семинаристов, по очереди проживавших в Новоселках. Геометрию преподавал сначала сам Крюммер, умевший сделать евклидовы аксиомы и теоремы понятными и запоминающимися, но и требовавший от учеников не только понимания предмета и правильных решений задач, но и опрятности в оформлении работ. Готовый высмеивать нерях, Крюммер приучил своего русского ученика к аккуратности. Кроме Крюммера математику вел Йозеф Мортимер, преподававший также религию и все естественные науки, а кроме того, виртуозно игравший на органе и фортепиано. Во втором классе работал замечательный учитель Гульч, «главный математик» пансиона, названный Фетом в мемуарах «незабвенным наставником». Это был педагог в полном смысле слова, умевший и любивший объяснять непонятное, помогавший преодолеть трудности, с удовольствием отвечавший на вопросы учеников, рассказами о передовых достижениях и актуальных проблемах своей науки стимулировавший их к самостоятельной умственной деятельности. Видимо, благодаря ему Фет по-настоящему увлекся математикой и даже попытался (соблазнившись премией в миллион рублей) разрешить задачу века, чем учитель сначала восхитился, а затем увидел логические натяжки. Строгий математик, кажется, внушил своим питомцам важные, фундаментальные вещи: «Когда дело шло о математическом вопросе и ученик в извинение

ошибки говорил: “ich glaubte<sup>85</sup>”, Гульч не без волнения говорил: “оставьте вы свою веру для чего-либо другого, а здесь она совершенно неуместна. Здесь нужно основание и вывод”<sup>86</sup>. Во втором классе Гульч преподавал и латынь и добился от учеников относительно беглого чтения «Энеиды». Латынь была сильной стороной крюммеровского пансиона; Афанасий быстро нагнал одноклассников и вскоре уже бойко читал Цезаря.

Впрочем, не со всеми предметами дело обстояло одинаково благополучно. И в Верро история никак не складывалась в голове ученика ни в стройное единство, ни в осмысленный процесс, продолжая оставаться бессвязным набором событий и случайных персонажей, только состав их сменился на Пипина Короткого, Карла Великого и Генриха Птицелова: несмотря на старания учителя, Афанасий «не умел различить этих скучных людей одного от другого»<sup>87</sup>. Не дался ему греческий язык, который он, как и другие воспитанники пансиона, учил «с нуля», но безнадежно отстал от них, признавая, что в данном случае дело было не в учителях, а в нем самом: в то время как многие его одноклассники уже после первого года читали в оригинале «Одиссею», он довольствовался только «сбивчивым навыком». Греческий язык не давался ему до конца жизни. Закон Божий, который православные воспитанники впятером отправлялись учить на другой конец города, в то время как остальные твердили «лютеранский катехизис», не оставил никаких воспоминаний.

---

<sup>85</sup> Я верил (*нем.*). (прим. редакции)

<sup>86</sup> Там же. С. 92.

<sup>87</sup> Там же. С. 89.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.